О
ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ
ВЪ
ЮГОЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Н. Иванишева.

Изданіе Кіевской Археографической Коммиссіи.

КІЕВЪ.

Въ типографіи **Федорова** и **Мин.**
1863.

+

24262 КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

Шифр Т52 И-19 Інв.№ 343653

Автор Иванишев Н.

Назва О древних сельских общинах в югозападной России

Місце, рік видання К, 1863

Кіл-ть стор. IV, 72 с.

-"- окр. листів

-"- Ілюстрацій

-"- карт

-"- схем

Том частина вип.

Конволют

Примітка:
20.07.99

О

ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ

ВЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Н. Иванишева.

Изданіе Кіевской Археографической Коммиссіи.

КІЕВЪ.

Въ типографіи **Федорова и Мин.**
1863.

Разрѣшаю печатать: Іюня 20 дня 1863 года. Предсѣдатель Коммисіи
Тайный Совѣтникъ **М. Юзефовичъ**.

Въ послѣднемъ томѣ, изданномъ Кіевскою Археографическою Коммиссіею, заключающемъ акты, служащіе матеріаломъ для исторіи Козачества, ясно подтверждается важное значеніе общиннаго начала во внутреннемъ строѣ Руси въ древнемъ и среднемъ періодѣ ея историческаго существованія. Важное значеніе общиннаго начала и то особенное упорство, съ которымъ отстаивало его народонаселеніе Руси противъ аристократическаго польскаго элемента, давно уже было замѣчено однимъ изъ сотрудниковъ Коммиссіи Н. Д. Иванишевымъ, при разработкѣ, актовъ XV, XVI, и XVII столѣтій Г. Иванишевъ нашелъ первый слѣды существованія общинно-вѣчевыхъ судовъ въ то позднее время, когда, вопреки естественнымъ инстинктамъ народа, польскій порядокъ вещей подчинилъ себѣ фактически и легально всю Юго-западную Русь и когда мѣстныя стихіи народной жизни, умолкнувъ въ чуждомъ ему законодательствѣ, должны были ограничиться сельскими сходками, существовавшими еще долго на основаніи древняго обычая, не смотря на стремленіе шляхты подавить ихъ и уничтожить. Открытіе это подало поводъ Г. Иванишеву

къ составленію статьи о копныхъ судахъ, помѣщенной въ »Русской Бесѣдѣ« за 1857 годъ въ книжкѣ 3-ей подъ заглавіемъ: »о древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Руси«. Такъ какъ эта статья содержитъ важное историческое открытіе и составляетъ какъ бы основаніе взгляда, подтверждающагося постоянно вновь открываемыми документами, то Коммиссія считаетъ полезнымъ, въ интересахъ отечественной науки, напечатать ее отдѣльнымъ изданіемъ, съ новыми дополненіями автора.

Главный Редакторъ
В. Антоновичъ.

О ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ

ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго Центральнаго архива сохранилось нѣсколько судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ изображаются народныя собранія сельскихъ общинъ, существовавшихъ съ незапамятнаго времени въ югозападной Россіи. Эти судебныя дѣла такъ же важны для исторіи русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ, какъ для исторіи нѣмецкаго права акты древнихъ германскихъ общинъ, называемые Ordeel и Weisthümer. Открытіе и изслѣдованіе этихъ актовъ служило нѣмецкимъ юристамъ главнымъ источникомъ для возстановленія германской общины, съ ея законами и юридическими обычаями. Судебныя дѣла сельскихъ народныхъ собраній югозападной Россіи, такъ же точно, какъ и акты германскихъ марокъ, изображаютъ составъ общинъ, устройство народныхъ собраній, порядокъ судопроизводства и юридическіе обычаи, по которымъ рѣшались дѣла. Открытіе и изслѣдованіе этихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ представляетъ важныя затрудненія. Приговоры народныхъ собраній не были выражаемы письмомъ, но сохранялись въ памяти народа. Уже въ позднѣйшія времена, когда судебныя мѣста получили правильную и обширную организацію, акты

народныхъ собраній представляемы были въ урядъ, для внесенія въ актовыя книги; но это случалось рѣдко, и при томъ зависѣло отъ произвола общинъ и частныхъ лицъ, подлежавшихъ вѣдомству народнаго собранія. Отъ этого, разсмотрѣвъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ, я открылъ въ нихъ не болѣе двадцати-двухъ судебныхъ актовъ; древнѣйшій изъ нихъ писанъ 1564-го, позднѣйшій 1622-го года.

На основаніи этихъ матеріаловъ, я изложу составъ югозападной сельской общины, устройство сельскихъ народныхъ собраній и юридическіе обычаи, по которымъ производилось слѣдствіе и постановлялись судебныя рѣшенія. Для того, чтобъ читателю дать возможность наглядно повѣрять наше изслѣдованіе, я счелъ нужнымъ приложить шесть актовъ, болѣе важныхъ по своему содержанію, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Первый изъ этихъ актовъ (1564-го Апрѣля 18-го) замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ собранія сельскихъ общинъ называются вѣчами; второй актъ (1570-го Генваря 12-го) даетъ понятіе о томъ неуваженіи, съ какимъ помѣщики и ихъ урядники смотрѣли на сельскія вѣча; въ третьемъ актѣ (1583-го Генваря 2-го) наглядно изображается древній способъ преслѣдованія преступника, по его слѣдамъ; въ четвертомъ актѣ (1596-го Августа 5-го) заключается порядокъ слѣдствія надъ трупомъ неизвѣстнаго лица; пятый актъ (1608-го Маія 15-го) доказываетъ, что сельскія вѣча, состоявшія большею частію изъ крестьянъ, могли требовать на свой судъ не только поселянъ, но и помѣщиковъ; наконецъ, въ шестомъ актѣ (1622-го Декабря 9-го) изображается порядокъ уголовнаго

суда: изъ этого акта видно, что сельскіе общинные суды имѣли право подвергать обвиняемаго пыткѣ и казнить преступника смертною казнію.

Въ отношеніи къ составу, сельскія общины югозападной Россіи являются въ различныхъ формахъ. Одно многолюдное селеніе могло составлять отдѣльную общину. Такую общину составляло село Богуринское въ Луцкомъ повѣтѣ, принадлежавшее нѣсколькимъ помѣщикамъ [1]).

Но общины, состоявшія изъ одного селенія, встрѣчаются рѣдко; большею частію онѣ заключали въ себѣ нѣсколько, отъ четырехъ до девяти, сосѣднихъ селеній [2]). Одно изъ селеній, составлявшихъ общину, служило центральнымъ мѣстомъ, въ которомъ со-

---

[1]) См. Прил. II.

[2]) Въ открытыхъ нами актахъ находимъ шесть такихъ общинъ: 1) Община въ Владимірскомъ повѣтѣ заключала въ себѣ четыре селенія: помѣщичьи селенія Низненичи, Бутятичи, Варески и село епископа Владимірскаго Тышкевичи (прилож. VI.); 2) Община въ томъ же повѣтѣ заключала въ себѣ пять селеній: королевское село Стеферицкое и помѣщичьи села Овлучимъ, Вербое, Руда и Воховичи (прилож. V); 3) Въ Луцкомъ повѣтѣ община заключала въ себѣ шесть помѣщичьихъ селеній: Крупое, Ставокъ, Дворецъ, Подгайцы, село Переднее Подгайцы и Вишки. Въ составъ этой общины входило также предмѣстье Луцкое (книга грод. Луцкая 1583-го года, листъ 255-й); 4) Общину въ Владимірскомъ повѣтѣ составляли семь помѣщичьихъ селеній: Могильно, Гнойно, Турья, Смолянка, Колинъ, Войчовъ и Вербое (книга гродская Владимірская 1602 года, листъ 131); 5) Общину въ Луцкомъ повѣтѣ составляли восемь селеній: Велицкъ, Селецкъ, Подлѣсье, Арсоново, Корсынъ, Читогощъ, Брехово, и Уголье (прил. I.); 6) Въ томъ же повѣтѣ общину составляли девять помѣщичьихъ селеній: Порыцкъ, Жмучъ, Воля Жмудская, Мельница, сельцо пана Евстафія Коровая, сельцо пана Андрѣя Коровая, сельцо паньи Малинской, село Углы и село Подлѣсы (книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47).

бирались крестьяне на вѣче. Частое стеченіе народа въ это селеніе развивало городскія отрасли промышленности, ремесла и торговлю. Тогда селеніе обращалось въ мѣстечко или городъ; жители его получали званіе мѣщанъ, но по прежнему принадлежали къ общинѣ, состоявшей изъ мѣстечка или города и сосѣднихъ селеній [1]). Когда мѣстечку или городу, составлявшему центръ сельской общины, предоставлялось магдебургское право, то городское народонаселеніе отдѣлялось отъ общины, составляло отдѣльную корпорацію, учреждало особенное управленіе, основанное на избирательномъ началѣ, и освобождалось отъ участія въ сельскихъ народныхъ собраніяхъ. Въ слѣдствіе такого отдѣленія самой богатой части народонаселенія, сельская община слабѣла; но связь между селеніями, ее составлявшими, не прекращалась. Можно полагать, что такимъ способомъ отдѣлился городъ Луцкъ отъ своей общины; потому что, не смотря на право магдебургское, которымъ пользовался этотъ городъ, предмѣстье его Окопища все еще продолжало сохранять связь съ селеніями: Вышками, Жидичиномъ, Теремнымъ, Яровицами, Дворцомъ и Липлянами, и составляло съ ними одну общину [2]).

---

[1]) Къ такого рода общинамъ принадлежали: 1) мѣстечко Турійскъ и селенія: Ставокъ, Ежи, Туровичи и Клечковичи,—въ повѣтѣ Владимірскомъ, (книга гродская Владимірская 1622-го года, листъ 638); 2) мѣстеко Рожищи и села: Любечъ, Рудка, Козинъ, Ставъ, Соловинъ, Дущъ, Навозъ, Соколенъ и Смердинъ — въ повѣтѣ Луцкомъ (прилож. III.); 3) городъ Дубно, принадлежавшій князю Константину Острожскому, и селенія: Ранчинъ, Погорѣльцы, Ивань, Головчичи, Вознесенье, Тороканово и Подборцы—въ повѣтѣ Луцкомъ (прилож. IV).

[2]) Книга гродская Луцкая 1596 года, листъ 237. Иностран-

Селенія, составлявшія общину, назывались *селами околичными*. На какомъ основаніи и въ какое время возни.. а и утвердилась между ними общинная связь, опредѣлить трудно. Этотъ вопросъ можно будетъ рѣшить тогда, когда будутъ открыты болѣе древніе акты. Въ памятникахъ письменнаго законодательства, дошедшихъ до насъ, нѣтъ объ этомъ никакихъ постановленій. Крестьяне иногда жаловались въ урядѣ, что нѣкоторыя селенія, состоя съ ними въ одной общинѣ, уклоняются отъ исполненія общинныхъ обязанностей; но связь между селеніями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностію: »они издавна съ нами о шк ды вшелякія схоживалися«[1])

Каждому селенію принадлежало пространство земли, опредѣленное точными границами. Это необходимо было особенно потому, что, въ случаѣ преступленія, от ѣтственность, прежде всего, пада а на то селеніе, на земляхъ котораго находимы были улики. Совокупность земель, принадлежавшихъ такимъ селеніямъ, составляла округъ сельской общины. По присоединеніи древнихъ областей юго-западной Россіи къ Литвѣ и Польшѣ, общинныя земли частію присоединены были къ королевскимъ имѣніямъ, частію розданы помѣщикамъ, городамъ, церквамъ и монастырямъ; поэтому сельскія общины,

---

ные писатели среднихъ вѣковъ упоминаютъ о невѣроятномъ множествѣ городовъ, принадлежавшихъ славянскимъ племенамъ юго-западной Россіи. Такъ сочинитель Географическихъ Мюнхенскихъ записокъ, жившій прежде Нестора, говоритъ о Бужанахъ, или Волынцахъ, жившихъ по рѣкѣ Бугу: »Бужане имѣютъ 231 городъ (civitates)«. Съ достовѣрностью можно предполагать, что подъ городами разумѣются здѣсь центральныя мѣста общинъ.

[1]) Приложеніе III.

въ томъ видѣ, какъ онѣ изображаются въ открытыхъ нами актахъ, не имѣли права собственности на земли, ими занимаемыя. Впрочемъ, каждый крестьянинъ отдѣльно могъ пріобрѣтать поземельныя участки, и владѣть ими на правѣ полной собственности.

Сельская община состояла изъ всѣхъ лицъ простаго сословія (люди простого стану), имѣвшихъ постоянную осѣдлость въ ея округѣ. Сюда относились: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, сельчане, или свободные поселяне [1]) мѣщане, не пользовавшіеся правомъ магдебургскимъ [2]). Сверхъ того, къ общинѣ принадлежали также земляне королевскіе, то есть, безземельные шляхтичи, которые получали во владѣніе участки королевскихъ земель, подъ условіемъ исполнять опредѣленныя, преимущественно военныя повинности [3]).

Исчисленныя нами общины находились только въ двухъ повѣтахъ: Луцкомъ и Владимірскомъ, но изъ Статута Литовскаго видно, что это установленіе распространено было по всей Руси и въ другихъ мѣстахъ [4]); а Русь, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ составляли воеводства: Волынское, Подольское, Бельское

[1]) См. прилож. 1. — [2]) Книга справъ поточныхъ гродскихъ Луцкихъ 1590-го года, листъ 942 на оборотѣ.— [3]) Книга гродская Луцкая 1583-го года, листъ 255—259.

[4]) Статутъ Литовскій 1588-го года, роз. XIV, артик. 9. Здѣсь говорится собственно не о сельскихъ общинахъ, а о копахъ: »на Руси и инде, гдѣ здавна копы бывали«. Копы сбираны и отправованы быти мають, яко ся на Руси зоховывало и заховуетъ«. Но копами, какъ мы объяснимъ въ продолженіи нашего изслѣдованія, назывались народныя собранія сельскихъ общинъ: слѣдовательно, гдѣ была копа, тамъ была и сельская община.

и Русское, къ которому принадлежали земля Львовская, земля Саноцкая, земля Галицкая и земля Хелмская [1]). Сверхъ того, изъ актовъ видно, что сельскія общины существовали и въ воеводствѣ Кіевскомъ.

Главная цѣль соединенія селеній въ общины состояла въ томъ, чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе. Каждое селеніе порознь и вся община вмѣстѣ отвѣчали за проступки всѣхъ своихъ членовъ. Въ предѣлахъ своего округа, община ручалась за безопасность жизни и имущества какъ своихъ собственныхъ членовъ, такъ и пришельцовъ. Мы говоримъ здѣсь о сельской общинѣ, какъ она является въ открытыхъ нами актахъ XVI и XVII вѣка; во времена болѣе отдаленныя, она могла имѣть болѣе обширный кругъ власти и отвѣтственности.

Каждая сельская община имѣла свои народныя собранія для совѣщаній и для рѣшенія дѣлъ, подлежавшихъ ея вѣдомству. Такое народное собраніе называлось *копа* или *купа,* также *громада, великая громада.* Совѣщаніе народнаго собранія называлось *вѣчемъ:* копа собиралась на вѣче, то есть, для совѣщанія [2]). Изъ этого видно, что вѣча, о которыхъ упоминаютъ наши древнія лѣтописи, не были исключительною принадлежностію городскихъ общинъ, но они принадлежали и сельскимъ общинамъ. Слово вѣче встрѣчается только въ древнѣйшемъ изъ от-

---

[1]) Starożytna Polska, Balińskego· T. 2. st· 36·

[2]) См. приложеніе 1.

крытыхъ нами актовъ (1564 Апрѣля 18); въ позднѣйшихъ актахъ употребляются слова *купа*, *копа* и *громада;* въ актахъ XVII вѣка слово копа исчезаетъ, и употребляется вездѣ слово громада [1]).

Не всѣ лица, принадлежавшія къ сельской общинѣ, составляли народное собраніе и участвовали въ его совѣщаніяхъ; это право предоставлялось однимъ только домохозяевамъ, имѣвшимъ постоянную осѣдлость. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также женщины, являлись въ собраніе только по особому требованію копы и при томъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній [2]). Копа иногда поручала домохозяевамъ допросить сыновей и братьевъ и представить собранныя свѣденія народному соб-

---

[1]) Слова: купа и громада древни; они встрѣчаются въ переводѣ Библіи: «И принесоша десятины отъ телецъ и овецъ: и десятины отъ козъ и посвятиша Господу Богу своему. И внесоша и положиша купы многи. Мѣсяца третіяго начаша купамъ полагати основанія. И вниде Езекія и видѣша купы« и проч. (Втор. книг. Паралип. глав. 31, ст. 7—10). «И наметаша громаду каменія велику« и проч. (Іис. Нав. глав. 7. ст. 26). Замѣтимъ мимоходомъ, что и слово община встрѣчается въ переводѣ Библіи: «Душа, еже аще согрѣшитъ и солжетъ другу о вданіи или о общинѣ«. (Левит. глав. 6, ст. 1—3). Слорво громада, въ смыслѣ народнаго собранія, встрѣчается въ Краледворской рукописи, въ поэмѣ о Бенешѣ Германовѣ: «Ai ta Beneš Hermanów tamo lud w hromadu zve protiw sasikóm». Kralodworsky Rukopis. W Praze, 1829, st. 140. Въ законѣ Винодольскомъ (1280) народное собраніе называется купъ или вкупъ: «Скупишесе все на купъ«; «Избраше се одъ всакога града старійши на вкупъ«. Чтенія въ общ. истор. и древ. росс. 1846–го года № 3–й. У Сербовъ и до сихъ поръ народное собраніе называется скупъ: см. Общественный и домашній бытъ Сербовъ. Жур. М. Н. П. 1856–го года, Апрѣль, стран. 91.

[2]) Книга гродская Луцкая 1583–го года, лист. 255—259.

ранію [1]. На копѣ являлся священникъ, но онъ присутствовалъ для приведенія подсудимыхъ къ присягѣ и въ качествѣ свидѣтеля, не принимая участія въ народныхъ совѣщаніяхъ [2].

Домохозяева, составлявшіе народное собраніе, назывались: *сходатаи*, *сходатаи сугриничные*, *сосѣди околичные*, *сосѣди-сугриничники*, *судьи копные*, *мужеве*, *панове-мужове*, *обчи*, то есть, общинные *мужи*. Между ними отличались *старцы*, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній народнаго собранія.

Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне, въ молодыхъ лѣтахъ, вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльныя хозяйства; то по этому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, вѣче было не только судебнымъ собраніемъ, но и школою для изученія права, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.

Сверхъ сходатаевъ, въ народное собраніе приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдней общины, по одному или по два человѣка изъ каждаго селенія. Эти лица назывались *людьми сторонними*; они не участвовали въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи приговора, но слѣдили за ходомъ дѣлъ въ народномъ собраніи, чтобы, въ случаѣ надобности,

---

[1] Въ той же книгѣ, лист. 274. [2] Тамъ же, листъ 297.

свидѣтельствовать о производствѣ дѣлъ и судебныхъ рѣшеніяхъ.

Помѣщики и ихъ управители могли также присутствовать на копѣ; это случалось тогда, когда они сами приводили своихъ крестьянъ на вѣче. Впрочемъ, помѣщики и ихъ управляющіе не участвовали ни въ совѣщаніяхъ копы, ни въ постановленіи судебныхъ приговоровъ. Какъ народному собранію, такъ и подсудимымъ, предоставлялось право приглашать *вознаго* изъ гродскаго уряда. Въ такомъ случаѣ возный присутствовалъ на копѣ въ качествѣ свидѣтеля, составлялъ протоколъ и представлялъ свое донесеніе въ урядъ гродскій, для вписанія въ актовыя книги.

Число сходатаевъ иногда было весьма значительно. Копа, собиравшаяся въ 1601-мъ году, заключала въ себѣ около ста человѣкъ хотя собраніе было не полное, потому что нѣкоторые помѣщики своихъ крестьянъ на вѣче не пустили (1). Копа, собиравшаяся въ 1602-мъ году, состояла изъ полутораста судей копныхъ (2).

Копа собиралась въ центральномъ мѣстѣ сельской общины, которое называлось *коповище* или *копище*, и занималась изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ подъ открытымъ небомъ. Для изслѣдованія дѣлъ уголовныхъ копа собиралась на мѣстѣ преступленія: въ дубравѣ, въ бору, подъ горою. Если нужно было рѣшить споръ о поземельной собственности, то копа собиралась на спорной землѣ;

---

(1) Книга грод. Владимірская 1601-го года, лист. 131—132.
(2) Смотри прилож. V.

а когда въ округѣ общины оказывался трупъ убитаго человѣка, то копа собиралась въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился трупъ или его разрозненные члены.

Вѣдомству копы подлежали всѣ лица простаго сословія, имѣвшія свою осѣдлость въ округѣ сельской общины, именно: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, свободные поселенцы и мѣщане городовъ, не пользовавшихся правомъ магдебургскимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самыхъ помѣщиковъ. Помѣщики имѣли право, по добровольному согласію, представлять копѣ рѣшеніе споровъ, между ними возникавшихъ. Такъ въ 1591 году возникъ споръ между паномъ Малинскимъ и паномъ Вышинскимъ о правѣ собственности на ниву и копань. Вмѣсто того, чтобъ обратиться въ урядъ, помѣщики собрали копу, на которой старцы показали, что на спорной нивѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покрадена была рѣпа, и что копа присудила удовлетвореніе пану Малинскому, что въ другой разъ собиралась копа о покражѣ пшеницы на той же нивѣ, и что вознагражденіе присуждено было тому же пану Малинскому. На этомъ основаніи, спорная нива и копань признаны собственностію пана Малинскаго; рѣшеніе было записано въ актовыя книги и получило законную силу [1]). Если въ помѣщичьемъ имѣніи, находившемся въ округѣ общины, причиненъ былъ вредъ, и если подозрѣніе падало на одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ осѣдлость въ томъ же округѣ, то помѣщикъ, потерпѣвшій вредъ, имѣлъ право собрать копу и просить, чтобъ

---

[1]) Книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47, на оборотѣ.

она изслѣдовала дѣло и присудила удовлетвореніе за причиненный вредъ. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились предъ собраніемъ и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала свое требованіе, и за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, опредѣляла декретомъ своимъ взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ удовлетвореніе за весь вредъ, причиненный истцу. По окончаніи суда, копа отправляла въ урядъ гродскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло, и объявляли рѣшеніе, для внесенія въ гродскія книги [1]). Копа имѣла право производить слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Если онъ присутствовалъ при этомъ и замѣчалъ, что открываются обстоятельства, уличающія его въ преступленіи, то могъ прервать дѣйствіе копы, и требовать, чтобы дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла предоставлено было уряду гродскому. Такъ на копѣ, производившей въ 1581 году слѣдствіе о убіеніи Жидовъ-мытниковъ Луцкихъ, присутствовалъ панъ Яковъ Шибенскій съ своими крестьянами. Дворовая женщина Таца показала подъ пыткою, что убійство совершено съ вѣдома пана Шибенскаго. Тогда панъ Шибенскій сказалъ: »Слышу, что здѣсь и обо мнѣ идетъ рѣчь; эта подлая женщина и меня вмѣшала въ дѣло. Поэтому я, чтобъ доказать свою невинность, предаю всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіи, суду уряда гродскаго, и самъ являюсь въ

---

1) См. приложеніе V.

урядъ въ назначенный срокъ.« За тѣмъ копа разошлась, прекративъ изслѣдованіе дѣла [1]).

Постоянно возраставшая власть помѣщиковъ, ограничивая общинныя права поселянъ, произвела важное измѣненіе въ составѣ народныхъ собраній. Въ XVII вѣкѣ, мужи-сходатаи начинають терять свое прежнее значеніе, уступая власть своимъ помѣщикамъ. Села околичныя посылаютъ отъ себя только по одному депутату; помѣщикъ или помѣщица съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу, постановляя приговоръ, на основаніи Литовскаго Статута. Крестьяне, присланные околичными селеніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ распоряженіями помѣщика и его пріятелей; судъ общинный перестаетъ называться копнымъ судомъ, и получаетъ названіе сельскаго суда (sąd wieiski) [2]).

Изложивъ устройство общинъ сельскихъ и составъ народныхъ собраній, мы представимъ юридическіе обычаи, которыми руководствовалась копа, при изслѣдованіи и рѣшеніи дѣлъ. Но, чтобъ возстановить эти обычаи во всей ихъ полнотѣ, для этого недостаточны открытые нами акты; въ нихъ заключаются только судебные обычаи, въ примѣненіи къ немногимъ, частію уголовнымъ, частію гражданскимъ дѣламъ. Въ двухъ актахъ изображается судъ о выдраніи пчелъ изъ бортей, [3]) въ одномъ актѣ заключается дѣло о порубкѣ бортнаго дерева

---

[1]) Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 297—300.

[2]) См. прилож. VI. Также книга гродская Владимірская 1622 года, лист. 480 Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 638.

[3]) Прилож. I. Книга гродская Владимірская 1601 года, листъ 131.

и о похищеніи изъ борти меду [1]), одинъ актъ заключаетъ судъ о покражѣ вола [2]), одно дѣло о поджогѣ [3]), два дѣла объ убійствѣ [4]), одно дѣло о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго человѣка [5]), наконецъ, одинъ актъ изображаетъ рѣшеніе спора, возникшаго между двумя помѣщиками, о правѣ собственности на ниву и копань [6]). На основаніи этихъ актовъ мы разсмотримъ порядокъ изслѣдованія дѣлъ, постановленіе судебныхъ рѣшешеній и ихъ исполненіе.

Въ порядкѣ судопроизводства копа слѣдовала своимъ древнимъ обычаямъ: »водле стародавное звыклости, водлугъ давнаго звычаю, водлугъ стародавнаго звычаю;« [7]). Совокупность народныхъ юридическихъ обычаевъ называется *копнымъ* правомъ; судъ, производившійся на основаніи этихъ обычаевъ, называется *копнымъ судомъ*. Сходатаи говорили: »звычай права нашого копнаго«, противуполагая это право посполитому праву, подъ которымъ они разумѣли писанные законы, изложенные въ Статутѣ Литовскомъ. Нѣкоторые обычаи копнаго права вошли въ составъ Статута и такимъ образомъ получили силу писаннаго закона. О такихъ обычаяхъ сходотаи говорили: »копный звычай, въ правѣ посполитомъ описанный [8]).

---

[1]) Прилож. V. [2]) Прилож. II. [3]) Прилож. III.

[4]) Книга гродская Луцкая 1583-го года, лист. 255—259, лист. 274; лист. 274 на обор. по 277; листъ 297—300; лист. 331-й на обор. Книга справъ поточныхъ Луцкихъ 1590 года, лист. 942.

[5]) Прилож. IV. [6]) Книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47 на оборотѣ.

[7]) Смотр. прилож. III; книга гродская Луцкая 1591 года, 47 на оборотѣ; книга грод. Владимірская 1601 года, лист. 131.

[8]) Книга гродская Луцкая 1569 года лист. 237-й. Здѣсь по-

Если преступленіемъ нарушены были права частнаго лица, то, по началамъ копнаго права, обиженному самому предоставлялось отыскивать своего *шкодника*. Истецъ распрашивалъ людей, собиралъ письменныя доказательства, отыскивалъ улики. Такое предварительное изслѣдованіе дѣла называлось *обыскомъ*. Если истецъ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ отыскать своего шкодника, и если онъ подозрѣвалъ, что преступникъ находится въ округѣ сельской общины, то онъ имѣлъ право требовать, чтобъ собрана была копа. Для этого онъ обращался къ помѣщикамъ, которые, по просьбѣ истца, высылали своихъ крестьянъ на вѣче. Истецъ могъ также обратиться въ урядъ гродскій, который давалъ ему урядовый листъ ко всѣмъ околичнымъ селеніямъ, составлявшимъ общину, приказывая собраться на копу (идти на копу, идти до права), въ опредѣленное время и въ назначенномъ мѣстѣ. Такіе же листы урядъ разсылалъ отъ себя по всѣмъ околичнымъ селеніямъ [1]). Крестьянинъ помѣщичій, желавшій предложить дѣло на рѣшеніе копнаго суда, обращался къ своему помѣщику, который оповѣщалъ околичныя селенія, назначая мѣсто и время собранію.

Всѣ селенія, составлявшія общину, обязаны были собраться на копу, въ назначенный срокъ. Если какое нибудь селеніе не являлось въ собраніе, то копа избирала депутатовъ, которые вмѣстѣ съ воз-

---

мѣщено слѣдствіе и судъ о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго человѣка. Обычай, въ этомъ случаѣ наблюдавшійся, внесенъ въ Статутъ и составилъ арт. 31, разд. 11.

[1]) Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 255.

нымъ, отправлялись въ не явившееся селеніе и звали сходотаевъ на копу. Когда сходатаи идти не хотѣли, то депутаты возвращались и объявляли объ этомъ копѣ. Тогда копа, слѣдуя стародавнему обычаю, постановляла приговоръ, что селенія, не явившіяся на вѣче, за ихъ упорство въ непослушаніи, должны удовлетворить истца за весь причиненный ему вредъ, а себѣ искать виноватаго. Правило, на которомъ копа основывала такой приговоръ, выражалось словами: »невыходъ платитъ шкоду«[1]).

Когда всѣ околичныя селенія, составлявшія общину, были собраны на копѣ, то истецъ имѣлъ право сдѣлать имъ перекличку, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли сходатаи находятся на лицо; за тѣмъ онъ словесно излагалъ свою жалобу и произведенный имъ обыскъ, прося сходотаевъ изслѣдовать дѣло и постановить приговоръ, на основаніи права. Жалобу истца копа должна была слушать безмолвно, не прерывая рѣчей.

По выслушаніи жалобы, копа обязана была разъяснить всѣ обстоятельства преступленія и открыть виновнаго. Для достиженія этой цѣли, употреблялись два способа: во первыхъ, распросъ на копѣ сходотаевъ и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу; во вторыхъ, изслѣдованіе *знаковъ*, то есть уликъ, доказывающихъ преступленіе; первый способъ называется *опытъ* (чинить опытъ, выслухать опытъ), второй способъ называется *ликъ* (копа лицемъ доходитъ шкодника, копа выходитъ на ликъ о шкоды).

Право производить опытъ принадлежало истцу.

---

1) См. прилож. III.

Сходатаи, тотчасъ по выслушаніи жалобы, начинали совѣщаніе, переговариваясь между собою. Если при этомъ совѣщаніи какой нибудь сходатай проговаривался, или открыто объявлялъ, что знаетъ преступника, или имѣетъ на кого нибудь подозрѣніе; то истецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать это объявленіе копою (освѣтчать копою), и тогда копа требовала, чтобы проговорившійся сходатай объявилъ имя преступника и все, что ему извѣстно о преступленіи. Если онъ отказывался исполнить это требованіе, то долженъ былъ удовлетворить истца, по приговору копнаго суда; но, удовлетворивъ истца, онъ пріобрѣталъ право отыскивать преступника, требовать отъ него удовлетворенія, или предать его суду.

Когда сходатаи, окончивъ переговоры, объявляли, что имъ ничего неизвѣстно ни о преступленіи, ни о преступникѣ, тогда истецъ объявлялъ, на кого онъ имѣетъ подозрѣніе, и подтверждалъ свои слова доказательствами. Подозрѣніе могло быть двоякаго рода: во первыхъ, истецъ могъ объявить, кого именно онъ считаетъ преступникомъ (кому даетъ вину); во вторыхъ, онъ могъ изъявить подозрѣніе, что кто нибудь изъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, знаетъ, кѣмъ совершено преступленіе, но не хочетъ выдать преступника. Обвиняемый, противъ доказательствъ истца, долженъ былъ дать *выводъ*, то есть, очистить себя отъ подозрѣнія, опровергнувъ доводы истца, или представивъ доказательства своей невинности. Если отвѣты обвиняемаго копа находила удовлетворительными, то освобождали его отъ подозрѣнія; но если истецъ не соглашался съ мнѣніемъ копы, то могъ требовать,

чтобъ обвиняемый былъ подвергнутъ пыткѣ, и копа исполняла требованіе истца. Но если допрашиваемый былъ человѣкъ добрый, вѣры годный и неподозрительный, то истецъ могъ подвергнуть его пыткѣ только тогда, когда подтверждалъ свое подозрѣніе присягою. Если бы истецъ ничего не домучился, и подозрѣніе его осталось не доказаннымъ, то онъ обязанъ былъ заплатить обвиняемому за муку, по приговору копнаго суда. Пытка производилась въ присутствіи копы; допрашиваемаго сѣкли прутьями и жгли огнемъ.

Истецъ могъ три раза собирать копу, если распросъ сходатаевъ и изслѣдованіе судебныхъ доказательствъ того требовали. Послѣ перваго копнаго собранія, истецъ, до окончанія суда, отдавалъ помѣщику на поруки, въ опредѣленной суммѣ денегъ, всѣхъ крестьянъ того села, на которое падало подозрѣніе. Помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне этого селенія, уклоняясь отъ отвѣтственности, не разошлись въ разбродъ. Между каждою сходкою назначалось три дня промежутка; въ теченіи этого времени, истецъ продолжалъ розысканіе, для пополненія своихъ доказательствъ, а сходатаи обязаны были собирать свѣдѣнія, допрашивая сыновей и слугъ своихъ.

Если копа, на всѣхъ трехъ сходкахъ, объявляла, что она ничего не знаетъ и не вѣдаетъ ни о преступленіи, ни о преступникѣ, и если истецъ, съ своей стороны, ни на кого не могъ объявить подозрѣнія, то ему предоставлялось выбрать по произволу, по нѣскольку мужей изъ всѣхъ селеній, присутствовавшихъ на копѣ, и требовать присяги въ томъ, что они ничего не знаютъ о преступле-

ній и преступника невѣдаютъ. Послѣ третьей сходки, на другой день, копа собиралась снова, и сходатаи, избранные истцомъ, приводились къ присягѣ; впрочемъ, истцу предоставлялось требовать присяги только отъ одного изъ нихъ, и если онъ отказывался, то, по приговору копы, долженъ былъ удовлетворить истца.

Сверхъ распроса сходатаевъ, средствомъ къ открытію преступника служили улики, называемыя въ актахъ копнаго суда *знаками*. Къ такимъ знакамъ преимущественно относились слѣды, оставленные преступникомъ на дорогѣ, по которой онъ уходилъ, совершивъ преступленіе; также трупъ убитаго и разрозненные его члены. Если уликой были слѣды, оставленные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу сходатаевъ всѣхъ селеній, составлявшихъ общину, и пригласивъ людей стороннихъ, *гналъ слѣдъ*. Копа, *взявъ слѣдъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе, входившее въ составъ общины, обязано было отвѣсти слѣдъ отъ своихъ земель. Если бы какое нибудь селеніе на копу не явилось, а между тѣмъ слѣдъ доведенъ былъ до земли, ему принадлежавшей, то копа, остановившись на слѣду вызывала сходатаевъ, требуя, чтобъ они вышли, *взяли слѣдъ* отъ копы и отвели его отъ своей земли къ чужой границѣ, по стародавнему обычаю. Если никто не являлся на зовъ, то копа ночевала на слѣду и, на другой день, во второй и третій разъ, вызывала жителей селенія. Если и послѣ третьяго зова никто не являлся, то копа, оставаясь на томъ же слѣду, присуждала все селеніе, неявившееся на слѣдъ, къ удовлетворенію истца за причиненный

преступникомъ вредъ и за всѣ убытки. Жители этого селенія, удовлетворивъ истца, получали право отыскивать преступника.

Если въ округѣ общины находили трупъ неизвѣстнаго убитаго человѣка, и если никто не являлся съ жалобою на убійство, то помѣщикъ или его управляющій, принявъ мѣры къ сохраненію трупа, созывалъ сходатаевъ околичныхъ селеній для распроса, который производился надъ трупомъ убитаго Сначала распрашиваемы были крестьяне того селенія, на земляхъ котораго найденъ былъ трупъ. За тѣмъ, помѣщикъ, или его урядникъ, три раза спрашивалъ сходатаевъ, не извѣстно ли кому нибудь изъ нихъ, кто былъ убитый, и кѣмъ совершено убійство? Если сходатаи объявляли, что незнаютъ ни убитаго ни убійцы, то каждый изъ нихъ долженъ былъ присягнуть въ томъ, что онъ убитаго не знаетъ, преступника не вѣдаетъ, и что никто изъ его общины не совершалъ убійства. За тѣмъ копа погребала трупъ, составлялся актъ копнаго слѣдствія и вносился въ актовыя книги.

Если истецъ, производя обыскъ, отыскивалъ своего шкодника въ какомъ нибудь селеніи, то обращался къ сельской громадѣ, которая, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ представленныя имъ доказательства, обязана была выдать преступника. Истецъ могъ помириться съ своимъ шкодникомъ, получивъ отъ него удовлетвореніе, по добровольному согласію, или могъ препроводить его на мѣсто преступленія и предать копному суду. Если преступникъ подлежалъ смертной казни за совершенное преступленіе, то истецъ долженъ былъ приглашать палача. Копа выслушавъ жалобу истца и раз-

смотрѣвъ его доказательства, допрашивала обвиняемаго, а если недовольствовалась добровольнымъ показаніемъ, то подвергали его пыткѣ. По окончаніи слѣдствія, копа постановляла приговоръ и, если обвиняемый за свое преступленіе подлежалъ смертной казни, то онъ тотчасъ предавался въ руки палача.

Предъ совершеніемъ казни, каждый изъ присутствовавшихъ въ народномъ собраніи могъ требовать, чтобъ осужденный преступникъ былъ подвергнутъ пыткѣ, для удостовѣренія, не совершилъ ли онъ еще какихъ преступленій; особенно предсмертная пытка считалась необходимою, если въ округѣ общины преступленія были часты. Пыткѣ подвергался преступникъ также и тогда, когда онъ оговаривалъ кого нибудь въ преступленіи; но оговоръ только тогда имѣлъ важность, когда осужденный подтверждалъ свои слова предъ самымъ совершеніемъ казни, стоя на ступеняхъ лѣсницы, приставленной къ висѣлицѣ (на послѣднемъ стопню у шибеницы на дробинѣ). За тѣмъ палачь совершалъ казнь, въ присутствіи народнаго собранія.

Приговоръ копнаго суда называется *вынаеязокъ*[1]), *знайденье копное, усказанье* или *всказанье копное*[2]). Въ позднѣйшихъ актахъ употребляется слово *декретъ, декретъ копный*[3]). Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ, составлявшихъ народное собраніе (копа сказала, или всказала, копа за-

---

[1]) Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.

[2]) См. прилож. I. [3]) Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ. Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 480-й.

бороняла). Неизвѣстно, какъ поступала копа въ случаѣ разногласія, возникавшаго между сходатаями при рѣшеніи дѣлъ; такой случай не встрѣчается въ открытыхъ нами актахъ.

Въ юридическихъ обычаяхъ югозападной Россіи, какъ вообще въ древнихъ славянскихъ и германскихъ законодательствахъ, начало частнаго права было преобладающимъ, не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ. Лицо, котораго право было нарушено преступленіемъ, могло предать виновнаго всей строгости законовъ, или окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; въ послѣднемъ случаѣ, преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія. Особенно уважалось прощеніе, которое давалъ смертельно раненный своему убійцѣ; преступникъ освобождался отъ всякаго суда и не платилъ головщины родственникамъ убитаго. Даже и въ томъ случаѣ, когда преступникъ былъ приговоренъ и къ смертной казни, онъ могъ *поеднаться*, то есть, помириться съ истцомъ и освободиться отъ наказанія [1]). Если дѣло не оканчивалось добровольнымъ соглашеніемъ, то копа постановляла приговоръ на основаніи Статута Литовскаго [2]).

Постановивъ приговоръ, копа принимала мѣры къ его исполненію. Если преступникъ приговоренъ былъ къ смертной казни, то приговоръ немедленно

---

[1]) Такъ въ селѣ Подгайцахъ копа осудила на смертную казнь, за убіеніе тіуна, отъявленныхъ разбойниковъ; крестьянина Гушу и его сыновей, но осужденные поеднались и освобождены были отъ наказанія. Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.

[2]) Книга гродская Владимірская 1622 года, листы 480 и 638-й, приложеніе VI.

исполнялся въ присутствіи копы, на мѣстѣ суда. Если копа присуждала къ денежному взысканію, помѣщичьяго крестьянина и если онъ платить отказывался, то всѣ сходатаи отправлялись къ помѣщику и требовали, чтобъ онъ приказалъ своему крестьянину исполнить приговоръ копнаго суда[1]). Право собственности на бортное дерево въ общемъ лѣсу обозначалось на самомъ деревѣ клеймомъ владѣльца. Если кто жаловался объ уничтоженіи клейма и о незаконномъ завладѣніи бортнымъ деревомъ, то копа отправлялась въ лѣсъ и, постановивъ приговоръ, возобновляла клеймо истца, уничтоживъ клеймо незаконнаго владѣльца [2]). Во всѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ отказывался исполнить приговоръ копнаго суда, сходатаи, приглашали вознаго, излагали ему дѣло и вмѣстѣ съ нимъ отправляли отъ себя посланцовъ въ урядъ гродскій, прося записать приговоръ въ актовыя книги.

Сельская община югозападной Россіи, съ ея юридическими обычаями и самостоятельнымъ составомъ копныхъ судовъ, имѣетъ признаки глубокой древности. О началѣ и происхожденіи этого установленія мы не находимъ никакихъ свѣдѣній, ни въ лѣтописяхъ, ни въ письменныхъ законодательныхъ памятникахъ. Съ большою вѣроятностію можно предполагать, что сельскія общины возникли въ то время, когда славянскія племена, населявшія нынѣшнюю югозападную Россію, еще не были соединены государственнымъ союзомъ, подъ верховною властію государей. Это предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ доказательствахъ: древніе князья русскіе, какъ великіе, такъ и удѣльные,

---

1) См. прилож. II. 2) См. прилож. V.

не могли быть основателями сельскихъ общинъ. Въ первый періодъ образованія русскаго государства, городскія общины существовали въ югозападной Россіи, во всей ихъ силѣ, выражая свою власть посредствомъ народныхъ собраній, которыя назывались вѣчами. Демократическое начало, на которомъ основаны были эти народныя собранія было совершенно противуположно политикѣ великихъ князей русскихъ, стремившихся къ самодержавію; по этому древняя исторія Россіи представляетъ продолжительную и упорную борьбу верховной власти князей съ могущественными городскими общинами. Нельзя предполагать, чтобы князья Русскіе, истребляя городскія общины огнемъ и мечемъ, въ тоже время основывали сельскія общины, тѣмъ болѣе что города, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые возникали не по распоряженію правительства, но по естественнымъ экономическимъ законамъ, въ слѣдствіе увеличенія народонаселенія и развитія промышленности, возникали изъ сельскихъ общинъ и почерпали изъ нихъ свои жизненныя силы.

Древнихъ польскихъ королей нельзя также считать основателями сельскихъ общинъ, въ югозападной Россіи. Они, также какъ и русскіе князья стремились къ самодержавію, и поэтому старались ослабить общинное начало у всѣхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королевства. Этой цѣли короли польскіе достигали преимущественно распространеніемъ нѣмецкаго права въ земляхъ имъ подвластныхъ, и усиленіемъ власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Нѣмецкое право, проникавшее въ Польшу со временъ Болеслава I-го (992—1025), основывалось на избирательномъ началѣ;

вмѣсто народнаго собранія или вѣча являлся войтъ съ лавниками и ратманами. Эти лица имѣли административную и судебную власть; народныя собранія подъ открытымъ небомъ замѣнялись засѣданіями въ магистратахъ и ратушахъ, народные юридическіе обычаи уступали мѣсто нѣмецкому праву, общины или совершенно исчезли или ослабѣли, теряя свое древнее юридическое значеніе.

Въ Статутѣ Литовскомъ, въ первый разъ находимъ ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о существованія сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи, объ ихъ древнемъ обычномъ правѣ и народныхъ собраніяхъ [1]. Во всѣхъ трехъ редакціяхъ Статута, сельская община является не новымъ, но стародавнимъ установленіемъ; народное сельское собраніе, или копа, производитъ судъ и расправу по стародавнимъ обычаямъ.

Статутъ Литовскій 1529 года, въ первый разъ предоставилъ народнымъ сельскимъ собраніямъ законную, обязательную силу. Копа собирается, производитъ слѣдствіе и судъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, Въ случаѣ вреда, причиненнаго въ чужомъ лѣсу (разд. VIII, арт. 51); 2, Въ случаѣ присвоенія чужой борти (разд. VIII, арт. 6); 3, Копа производила также слѣдствіе и судъ о воровствѣ, если преступникъ былъ не извѣстенъ, и если подозрѣніе въ покражѣ падало на цѣлое селеніе. Впрочемъ, законодатель не считалъ нужнымъ вносить въ Статутъ

1) Въ Русской Правдѣ находимъ также слѣды общины и народныхъ юридическихъ обычаевъ, хотя съ примѣсью нѣмецкаго права. Но объ этомъ законодательномъ памятникѣ мы не будемъ говорить до тѣхъ поръ, пока не откроемъ бо́льшаго количества и болѣе древнихъ актовъ копнаго права.

полную систему обычнаго права, предполагая это право болѣе извѣстнымъ, чѣмъ писанные законы. Поэтому, въ Статутѣ постановлено рѣшать дѣла по стародавнимъ обычаямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, на которые нѣтъ опредѣленныхъ писанныхъ законовъ (разд. VI. арт. 1, 5, 25; разд, VIII. арт. 6). Такимъ образомъ, обычное или копное право, имѣвшее своимъ основаніемъ автономію общинъ, утверждено было верховной властію и получило силу закона, наравнѣ съ писанными законами.

Второй Статутъ Литовскій, изданный въ 1566 году, подтвердилъ статьи перваго Статута о копныхъ судахъ и, сверхъ того, заимствовалъ изъ копнаго права еще нѣсколько постановленій, не вошедшихъ въ первый Статутъ. Сюда относятся: слѣдствіе и судъ надъ трупомъ человѣка проѣзжаго или безплеменнаго, за котораго некому было получить головщину (разд. XI. арт. 31); слѣдствіе и судъ о потравѣ хлѣба скотомъ (разд. XIII. арт. 2); о преслѣдованіи и открытіи преступника, по его слѣдамъ (XIV. арт. 6.).

Третій Статутъ Литовскій, изданный въ 1588-мъ году, принялъ въ свой составъ постановленія о копныхъ судахъ, помѣщенныя въ первыхъ двухъ Статутахъ [1]), подтвердилъ существованіе древнихъ сельскихъ общинъ въ югозападной Руси и распространилъ это установленіе на нѣкоторыя другія области, входившія въ составъ польскаго королевства. Говоря о преслѣдованіи преступниковъ, Статутъ постановляетъ, что на Руси и въ другихъ мѣстахъ,

---

1) Разд. XI. арт. 26; разд. XIII. арт. 2; разд. XIV. арт. 2, 9, 17 и 18.

гдѣ издавна бывали народныя собранія сельскихъ общинъ (копы), тамъ они должны существовать на старыхъ коповищахъ, по старому обычаю. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копы не бывали, тамъ они должны быть собираемы, такимъ же порядкомъ. Подкоморіи, завѣдывавшіе разграниченіемъ и размежеваніемъ земель, должны были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копъ не бывало, назначить сборныя мѣста, или коповища, приписавъ къ этимъ центральнымъ мѣстамъ всѣ околичныя селенія, находившіяся, со всѣхъ четырехъ сторонъ, на растояніи одной мили [1]).

Не смотря на постановленіе Статута Литовскаго, имѣвшее цѣлію распространить сельскія народныя собранія въ югозападной Руси и дать имъ законную силу, сельскія общины, въ XVI и XVII вѣкахъ, являются въ состояніи совершеннаго упадка и разрушенія. Находясь въ противурѣчіи съ новыми началами государственнаго устройства и особенно съ властію помѣщиковъ, не соотвѣтствуя тому состоянію, въ какое были поставлены, какъ увидимъ ниже, крестьяне въ это время,—сельскія общины югозападной Россіи, съ своими вѣчами и копнымъ правомъ, поражаютъ изслѣдователя, какъ развалины древняго, нѣкогда обширнаго и (можетъ быть) стройнаго зданія, среди вновь построеннаго города. Власть вѣча и юридическіе обычаи, имъ созданные, въ древнія времена имѣли основаніемъ автономію общинъ. Но эта автономія должна была прекратиться съ принятіемъ верховною властію новыхъ началъ и съ развитіемъ неограниченной власти помѣ-

---

1) Стат. Литов. 1588 года, разд. XIV. арт. 2.

щиковъ. Съ тѣхъ поръ, общинное или копное право должно было оставаться неподвижнымъ; вся его сила и дѣйствительность принуждены были основываться только на вѣрномъ сохраненіи обычаевъ въ памяти мужей-сходатаевъ, на старинѣ и давности. Поэтому, когда сходатаи являлись въ урядъ и требовали исполненія постановленнаго ими приговора, то они ничѣмъ не могли доказать справедливость своего требованія, какъ только давностію своего копнаго права. Такъ, общинная связь между селеніями, обязанность являться на копу и отвѣчать за совершенныя въ округѣ общины преступленія основывались только на томъ, что крестьяне этихъ селеній были сходатаями издавна: »издавна о шкоды вшелякія схоживалися«. Также точно и основныя положенія копнаго права, которыми руководствовались собранія общинъ въ производствѣ слѣдствія и суда, основывались на одной только давности: »издавна межи нами шкодника ничѣмъ инымъ, какъ только копою доходятъ«; или: »невыходъ всегда платитъ шкоду, по стародавнему обычаю«; »копа вела слѣдъ, водле стародавное звыклости« [1]. Основываясь на давности и остановившись неподвижно въ своемъ развитіи, копное право въ XVI и XVII вѣкахъ, является несовременнымъ, несоотвѣтствующимъ новымъ условіямъ общественной жизни. Притомъ же, въ это время существовали правительственныя мѣста, по разнымъ отраслямъ управленія: урядамъ гродскимъ принадлежала мѣстная полиція, судъ надъ преступниками и рѣшеніе споровъ о движимой собственности; дѣла о

---

[1]) См. прилож. III.

поземельной собственности принадлежали уряду земскому; подкоморскіе суды завѣдывали межевыми дѣлами. Эти правительственныя мѣста, обнимая всѣ отрасли мѣстнаго управленія, руководствовались опредѣленными писанными законами; поэтому копные суды, съ своими древними обычаями, сохранявшимися въ памяти сходатаевъ, представляли странную аномалію въ общемъ составѣ управленія.

Сходатаи, составлявшіе народныя сельскія собранія, находясь въ состояніи жалкаго униженія и угнетаемые бѣдностію, теряли способность быть безпристрастными слѣдователями, разумными судьями и правовѣдами [1]). Отъ этого, при изслѣдованіи преступленій, они дѣйствуютъ робко, и рѣшенія ихъ не всегда согласны съ правомъ. Такъ на копѣ, производившей слѣдствіе, въ 1564 году, о выдраніи пчелъ изъ бортей, истцы, крестьяне Сенько и Демьянъ, объявили подозрѣніе въ покражѣ на повара господарскаго Степана. Обвиняемый давалъ отводъ, ссылаясь на мѣщанина Мельницкаго Зенька. По копному праву, слѣдовало, прежде всего распросить Зенька; но истцы, не слушая приговора копы, подвергли обвиняемаго пыткѣ, били прутьемъ и жгли огнемъ. Сходатаи, вмѣсто того, чтобъ удержать мучителей, разошлись и допрашиваемый умеръ подъ пыткою [2]). Униженіе и бѣдность произвели

---

[1]) Въ актовыхъ Луцкихъ книгахъ находится описаніе нѣкоторыхъ селеній, входившихъ въ составъ одной изъ исчисленныхъ нами выше общинъ, именно селеній: Топольнаго, Воли Рожищской, Пожарокъ, Теремнаго, Липлянъ и мѣстечка Рожища. Возный доносилъ уряду, что всѣ эти селенія »зубожоные, дворы покажоные, погнилые, люди разогнанные, знищеные«. Книга гродская Луцкая 1591 года, листы 314—318.

[2]) См. прилож. I.

нравственную порчу въ сельскомъ народонаселеніи; поселяне, вмѣсто того, чтобы предотвращать преступленія, открывать и наказывать преступниковъ, сами разбойничали, поджигали и грабили имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, упорно отказываясь являться на вѣче, для открытія и наказанія преступниковъ.

Судебная власть, которою пользовались крестьяне въ народныхъ собраніяхъ, находилась въ рѣзкомъ противурѣчіи съ неограниченною властію помѣщиковъ. Помѣщикъ и его управляющій имѣли безотвѣтное право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію [1]). Эти же самые крестьяне, собранные на копу, могли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовать помѣщиковъ на свой судъ и подвергать ихъ (взысканіямъ (Прилож. V) Сходатаи, находясь въ

---

[1]) Это право предоставлено было помѣщикамъ въ 1557 году Voll. Legg. 607). Слѣдующая выписка изъ актовыхъ книгъ представляетъ образецъ помѣщичьяго суда и доказываетъ, что помѣщики и ихъ управляющіе дѣйствительно пользовались правомъ казнить смертію своихъ слугъ и крестьянъ. Въ 1593-тъ году, генеральный возный доносилъ уряду гродскому: »Былъ я въ мѣстечкѣ Степановскомъ, когда панъ Василій Золотолинскій судилъ слугу своего Миша, который убилъ Петра Творевскаго, слугу пана Богдана Омельяновича, старосты Степанскаго. И когда тотъ Мишо, убійца, представленъ былъ на судъ, то панъ Золотолинскій спрашивалъ его: »признается ли онъ въ своемъ преступленіи?« и Мишо сказалъ: »я ничего никакой вражды съ Петромъ Творовскимъ не имѣлъ; только грѣхъ меня попуталъ, что я его убилъ«. Панъ Золотолинскій, слыша такое добровольное признаніе слуги своего Миша, осудилъ его, какъ убійцу, на смертную казнь. Тотъ же часъ, предо мною вознымъ, осужденный отданъ былъ въ руки палача и, какъ убійца, подвергнутъ строгой казни: »былъ четвертованъ«. (Книга гродская Луцкая 1593 г., листъ 798 г. Въ 1573-мъ году, возный Кременецкій, Григорій Гулялыницкій, доносилъ уряду Кременецкому:

полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и рѣшая дѣла въ ихъ присутствіи, не могли имѣть той свободы мыслей, которая необходима для безпристрастнаго изслѣдованія дѣла и для добросовѣстнаго суда. Иногда помѣщичій урядникъ, присутствуя на копѣ, вмѣшивался въ дѣлопроизводство, перебивая рѣчи истца, прерывая распросъ сходатаевъ ругательствами, и самовольно уводилъ крестьянъ изъ собранія, не дождавшись судебнаго рѣшенія[1]). Производя слѣдствіе и судъ подъ вліяніемъ помѣщиковъ и ихъ урядниковъ, копа постановляла рѣшенія, не всегда согласныя съ правомъ. Такъ, напримѣръ, копа, собиравшаяся для изслѣдованія и рѣшенія дѣла о покражѣ яблокъ и хмѣля въ саду Евстафія Коровая, въ угоду этого помѣщика, рѣшила дѣло неправильно. Одинъ изъ сходатаевъ, Хведько Игнатовъ сынъ, объявилъ на копѣ, что онъ видѣлъ, какъ сыновья крестьянина Кузьмича везли хмѣль чрезъ село отъ саду пана Евстафія Коровая. По-

---

»Былъ я у пана Ласка Секунскаго, вмѣстѣ съ слугою князя Николая Збаражскаго, Лавриномъ Козулею. И Лавринъ Козуля спрашивалъ пана Михаила Ласка: »для чего ты приказалъ безвинно повѣсить боярина господарскаго Евхима, который имѣлъ братьевъ и осѣдлость въ Жолобѣ? »И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ:« кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ.« Потомъ спрашивалъ Лавринъ у пана Михаила Ласка: »по какой причинѣ, ты приказалъ замучить на смерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Сѣдельника, и для чего забралъ себѣ все ихъ имущество?« Панъ Ласко признавался, что Воронко умеръ у него въ тюрьмѣ, а о Лавриновичѣ и Степанѣ сказалъ: »они получили плату по заслугамъ, и я никому не обязанъ давать въ этомъ отчетъ, такъ какъ они были крестьяне моихъ селъ«. Книга гродская Луцкая 1573 года, листъ 166 на оборотѣ.

[1]) См. прилож. II.

слѣ такого показанія нужно было, по копному праву, допросить сыновей крестьянина Кузьмича; но копа, производя судъ въ присутствіи помѣщика, рѣшила дѣло иначе, предоставивъ истцу право выбрать изъ присутствовавшихъ въ собраніи крестьянъ шесть мужей, которые должны были присягнуть, что они о покражѣ ничего не знаютъ и преступника не вѣдаютъ. Крестьяне, твердо зная свое копное право, присягать отказались, сказали: »Ужъ какъ ты себѣ хочешь, панъ Коровай, а мы присягать не пойдемъ и не хочемъ; такъ какъ Хведько Игнатовъ сынъ вызналъ, что сыны Кузьмичовы везли чрезъ село хмѣль, отъ саду пана Евстафія Коровая ко двору своего помѣщика«. Тогда панъ Коровай выбралъ одного изъ шести сходатаевъ, крестьянина Гераська Кузьмича, и требовалъ отъ него одного присяги. Гераськo Кузьмичъ также присягать отказался. Тогда копа опредѣлила декретомъ своимъ, что Гераськo Кузьмичъ, отказавшійся присягнуть по требованію пана Коровая, долженъ заплатить за весь вредъ, причиненный покражею въ саду пана Коровая. Такимъ приговоромъ нарушено было копное право въ существенныхъ его основаніяхъ. Такъ какъ общинный союзъ оказывался безсильнымъ для предупрежденія преступленій и для водворенія безопасности, то помѣщики установляли между собою *заруку*: они заключали договоръ, по которому крестьяне одного селенія, причинившіе вредъ другому селенію, обязаны были, сверхъ удовлетворенія за убытки, платить денежный штрафъ, опредѣленный договоромъ [1]).

---

1) Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ

Въ слѣдствіе жалкаго состоянія крестьянъ и ихъ безусловной зависимости отъ помѣщиковъ, народныя сельскія собранія теряли довѣріе; ихъ копное право выходило изъ употребленія, ихъ судебные приговоры оставались безсильными, возбуждая презрѣніе помѣщиковъ. Такъ однажды объявленъ былъ приговоръ копы помѣщицѣ Хребтовичевой въ Богуринѣ. На основаніи этого приговора, вся копа, въ полномъ составѣ, явилась къ помѣщицѣ и требовала, чтобъ она приказала урянику своему заплатить за покражу вола. Пани Хребтовичева отвѣчала: »Я на голое слово мужицкое платить не приказываю«[1]. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ общинныхъ судахъ. Въ 1602 году, собиралась копа во Владимірскомъ повѣтѣ, около села Могильна. Крестьяне села Овадна, входившаго въ составъ общины, не явились на вѣче. Тогда сходатаи отправили отъ себя депутатовъ въ село Овадно и требовали, чтобъ крестьяне этого села явились на копу, крестьяне села Овадна сказали депутатамъ: »Мы рады были бы на копу идти, да паны наши приказали, чтобы мы ни на какую копу не ходили; поэтому, боясь своихъ пановъ, не пойдемъ«[2].

Изображенное нами состояніе сельскихъ общинъ югозападной Руси, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, доказываетъ, что это установленіе уже отжило свой вѣкъ, что оно какъ остатокъ древности, противурѣчило новымъ формамъ общественной жи-

---

[1]) См. прилож. II.

[2]) Книга гродская Владимірская 1601 года, листъ 131.

зни и должно было изчезнуть отъ расширенія власти правительственныхъ мѣстъ и лицъ, отъ нравственнаго и экономическаго упадка поселянъ, наконецъ отъ постепеннаго возрастанія власти помѣщиковъ надъ крестьянами[1]).

Н. Иванитевъ.

---

[1]) Представленное мною изслѣдованіе не рѣшаетъ окончательно вопроса о сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи. Я разсмотрѣлъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ; но въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ находится такихъ книгъ 6715 и, сверхъ того, 377,307 отдѣльныхъ актовъ. Подобные же Центральные архивы учреждены въ Вильнѣ и Витебскѣ. Въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ находится 9370 актовыхъ книгъ; число актовыхъ книгъ въ Витебскомъ архивѣ мнѣ не извѣстно. Но самыя древнія актовыя книги, съ 1384-го по 1784-й годъ, хранятся во Львовѣ, въ Бернардинскомъ монастырѣ, въ числѣ трехъ тысячь томовъ. При взглядѣ на эту массу почти не тронутыхъ письменныхъ памятниковъ, дѣлается понятнымъ, почему самые важные вопросы, касающіеся внутренней жизни древней Руси, остаются нерѣшенными, не смотря на добросовѣстныя усилія нашихъ ученыхъ: мы еще слишкомъ мало изслѣдовали и издали въ свѣтъ историческихъ матеріаловъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Жалоба королевскаго повара Васька Степановича о томъ, что Сенько Туровичъ и Демьянъ Федцевичъ, въ присутствіи копы, собранной на вѣчъ въ дубравѣ, замучили пыткою отца его Степана. Показаніе урядоваго вижа. 1564-го Апрѣля 18.

Року 1564, мѣсяца Априля 18 дня, у волторокъ.

Пришодчи передъ мене Андрѣя Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, кухаръ Его Королевское милости, Васько Степановичь Велицкій, съ пріятелями своими, жаловалъ плачливе а обтежливе на подданного ее милости, княгини Матѳеевое Четвертенское, княгини Овдотьи Ѳедоровны Вагановского, наймя на Сенка Турецковича, человѣка Подлѣсскаго, и на помочника его Демьяна Федцевича, подданнаго ихъ милости, князя Василія и князя Марка Солтановичовъ Сокольскихъ, Корсынскаго, оповѣдаючи

I.

1564 года, Апрѣля 18-го дня, во вторникъ.

Явившись предо мною, Андрѣемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростою Луцкимъ, поваръ Его Королевской милости, Васько Степановичъ Велицкій, съ пріятелями своими, съ плачемъ, горько жаловался на Сенька Турецковича, человѣка Подлѣсскаго, крестьянина ея милости, княгини Матвѣевой Четвертенской, княгини Авдотьи Ѳедоровны, урожденной Вакановской, и на помощника его Демьяна Федцевича, Корсынкаго крестьянина ихъ милостей, князей Василія и Марка Солтановичей Сокольскихъ, объявляя свою жалобу слѣдующими словами: »Прошлою осенью, въ истекшемъ тысяча пять сотъ шестьдесятъ третьемъ

тымъ обычаемъ: ижъ дей осени прошлое, року минулого шестьдесятъ третьяго, подраны пчелы ихъ зъ бортей на дуброве, о што дей теперешнихъ часовъ, у недѣлю прошлую, мѣсяца Априля шестагонадцать дня, тыи подданныи вышейменованные, Сенько и Демьянъ, збирали копу, хотечися виноватаго дойскати, на которой дей копе были люде Велицкіе, Селецкіе, Подлескіе, Арсоновскіе, Корсынскіе, Читогощскіе, Бреховскіе и Угольскіе. Тогды дей, тамъ въ дуброве, на вечю, Сенько а Демьянъ, маючи вазнь на отца моего Степана, безъ жадное вины, кромъ знайденя копного, одно своволне, пофативши отца моего силою моцъю, стали его прутьемъ бити, повѣдаючи: естли дей на немъ чего не домучимо, мы дей то гораздъ заплатимо; чего дей копа имъ забороняла и прочь пошла. А они дей его безвинней, одно зъ вазни а гнѣву своего, прутьемъ били, мордовали, огнемъ палили и тамъ же

году, выдраны были изъ бортей въ дубравѣ пчелы, принадлежавшія поименованнымъ выше крестьянамъ, Сеньку и Демьяну. По этому случаю, недавно, въ прошлое воскресенье, Апрѣля шестнадцатаго дня, Сенько и Демьянъ собирали копу, чтобъ доискаться виноватаго. На этой копѣ были люди Велицкіе, Селецкіе, Подлѣсскіе, Арсоновскіе, Корсынскіе, Читогощскіе, Бреховскіе, и Угольскіе. Въ означенный выше день, въ дубравѣ, на вѣчѣ, Сенько и Демьянъ, питая вражду къ отцу моему Степану, безъ всякой съ его стороны вины, не слушая копнаго приговора, а только по своеволію, насильно схвативъ отца моего, начали его бить прутьемъ, говоря: »если мы отъ него ничего не домучимся, то за муку дадимъ хорошую плату«. Копа запрещала имъ это, пошла прочь. А они, безвинно, только по враждѣ и гнѣву своему, били его прутьемъ

его на смерть замордовали, а ничего ся на немъ не домучили. Яко жъ, на обвоженье и на огледанье оного трупу небожчика Степана, отца своего, Васько Степановичь Велицкій бралъ у меня вижомъ, зъ уряду замку Луцкаго, боярина господарскаго Красносельскаго, Миколая Марковича, который вижъ, тамъ бывши, оттоля пріѣхалъ, и ставши передо мною, въ замку Луцкомъ, до книгъ замковыхъ тыми словами созналъ: Ижъ будучи мне въ Тристени подъ Велицкомъ, у кухаровъ господарскихъ, и маючи при себѣ сторону людей добрыхъ, огледалъ есми трупъ, тѣло небожчика Степана, кухара господарскаго, и видѣлъ есми, што все тѣло збито и окрутне огнемъ попалено. А потомъ, ѣхавши до Велицка, пытали есмо людей Велицкихъ: Юшка Бортниковича, Яцка Кузмича и сусѣдовъ ихъ, ко-

---

мучили, жгли огнемъ. и тамъ же его на смерть замучили. не домучившись отъ него никакого признанія. Въ слѣдствіе чего. Васько Степановичъ Велицкій. для изслѣдованія дѣла и для осмотра трупа покойнаго Степана. отца своего. бралъ у меня вижомъ. изъ уряда замка Луцкаго. Николая Марковича Красносельскаго. боярина господарскаго. который. побывавъ на мѣстѣ преступленія, оттуда пріѣхалъ, и, явившись предо мною въ замкѣ Луцкомъ. донесъ, для записанія въ замковыя книги, слѣдующее: »Былъ я въ Тристени подъ Велицкомъ, у поваровъ господарскихъ. и. вмѣстѣ съ сторонними добрыми людьми. осматривалъ трупъ, тѣло покойнаго Степана, повара господарскаго. и видѣлъ, что все тѣло избито и пожжено огнемъ, А потомъ отправившись въ Велицкъ. спрашивали мы людей Велицкихъ: Юшка Бортниковича. Яцка Кузьмича и сосѣдей ихъ. которые на томъ вѣчѣ были, спрашивали также и сельчанъ: »По какой причинѣ Сенько и Демьянъ избили, измучили

торые на томъ вечю были, такъ тежъ и сельчанъ: для чего тотъ истый Сенько и Демьянъ оного Степана, кухара господарскаго, збили, змордовали и на смерть замучили: естли же за усказаньемъ, або зъ знайденья копного, чили пакъ своволыне то вчинили? Тогди люде Велицкіе, подданные пана Малинскаго и пана Ивана Яцковича Борзобогатаго, владыки Володимірскаго, такъ тежъ и сельчане, одностальными словы повѣдили: Ижъ копа оного Степана, кухара господарскаго, Сеньку и Демьяну на жадную муку не вказовала; бо дей онъ давалъ на то выводъ, ижъ у мельницы, меду пресного пчолъ своихъ, отбежныхъ сее весны, выбравши, мѣщанину Мельницкому Занкови за шестнадцать грошей продалъ, якожъ дей и слатися до того мѣщанина Мельницкого хотѣлъ. А они дей, не посылаючи ся тамъ, ани припускаючися на выводъ его, одно

и на смерть замучили Степана, повара господарскаго: по приказанію ли и приговору копы, или своевольно«? Люди Велицкіе, крестьяне пана Малинскаго и пана Ивана Яцковича Борзобогатаго, владыки Владимірскаго, а также и сельчане единогласно показали: »Копа не присуждала Сеньку и Демьяну повара господарскаго, Степана, ни на какую муку, потому что Степанъ давалъ выводъ, утверждая, что онъ, выбравъ пресный медъ у мельницы, оставшійся отъ пчелъ, улетѣвшихъ нынѣшнею весною, продалъ этотъ медъ мѣщанину Мельницкому Занку, за шестнадцать грошей; при чемъ, Степанъ хотѣлъ снестись съ тѣмъ мѣщаниномъ Мельницкимъ. Но Сенько и Демьянъ, не спосясь съ мѣщаниномъ Мельницкимъ, и отвергая оправдательный доводъ обвиняемаго, своевольно, безъ поличнаго и въ противность праву, поймали Степана, начали его бить и мучить, не смотря на то, что копа Подрежская имъ запрещала и ихъ къ тому не допускала«. Засвидѣтельствовавъ

своволне, его безъ лица и кромъ права, поймавши, стали быти и мучити, чего дей имъ и Подрежская копа забороняла и не допусчала. Што Васько Степановичь, сынъ небожчиковъ, мною, вижемъ врядовымъ, освѣтчивши, а оттоля до дому приѣхавши, оный трупъ, тѣло отца своего, поховати далъ. И, хотечи Васько Степановичь о то мовити, просилъ, абы было записано. А такъ я тую жалобу, оповѣданье его, и вижово сознане въ книги замковые записати казалъ.

это показаніе мною, вижомъ урядовымъ, и приѣхавъ домой, Васько Степановичъ, сынъ покойнаго Степана, велѣлъ похоронить трупъ отца своего. Имѣя намѣреніе начать объ этомъ искъ, Васько Степановичъ просилъ, чтобы означенное выше показаніе было записано; поэтому я, какъ жалобу истца, такъ его показаніе и донесеніе вижа, приказалъ записать въ замковыя книги.

(Книга гродская Луцкая 1564 года, листъ 62 на оборотѣ).

II.

Копный судъ о покражѣ вола. 1570, генваря 12.

Року 1570, мѣсяца Генваря 12 дня.

Ставши очевисто въ замку Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повету Луцкого, Яско Опаринеский, оповедилъ и до книгъ гродскихъ тыми словы сознавъ: Ижъ дей, будучи мне зъ уряду приданымъ на справы ее

II.

1570 года, мѣсяца Генваря, 12 дня.

Явившись лично въ замкѣ Луцкомъ, предо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростою Луцкимъ, возный повѣта Луцкаго Яско Опаринескій, объявилъ для записанія въ книги гродскія, сознаъ нижеслѣдующее: »Былъ я отряженъ урядомъ, по дѣлу ея милости, паньи Ивановой Хребтовича Богуринской,

милости пани Ивановои Хребтовича Богуринское, панеи Любце Дчусанце, и сыномъ ее милости, будучи мнѣ въ Богурине, поведила ее милость, пани Богуринская, ижъ дей року прошлаго шестьдесятъ девятаго, у великій постъ, украдено у боярина моего Богуринского, Томила Гаркевича, вола зъ оборы, и онъ дей о того вола, водлугъ обычаю, собравши копу все село Богуринское: люди съ части пани Василевое Хребтовичовое, люди мои и люди съ части пани Петровое Хребтовичовое, опытъ чинилъ обычаемъ копнымъ. Врядникъ дей панеи Петровое, Нестеръ, не выслухавши обыску того боярина моего Томилца и почалъ говорити, перекаживаючи ему рѣчь, на першой копе, не заховаючися водлугъ обычаю копъного. и прочь самъ пошолъ, и подданыхъ созвалъ съ копы. Копа дей, не чинечи коротъко, сказала дей боярину моему еще

паньи Любки Дчусанки, и сыновей ея милости. И когда я былъ въ Богуринѣ, то ея милость, пани Богуринская, объявила мнѣ: »Въ прошломъ тысяча пятьсотъ шестьдесятъ девятомъ году, въ великій постъ, украденъ волъ изъ хлѣва, у боярина моего Богуринскаго, Томила Гаркевича, который, слѣдуя обычаю, собиралъ на копу все село Богуринское: людей изъ участка паньи Васильевой Хребтовичевой, моихъ людей, также людей изъ участка паньи Петровой Хребтовичевой, и производилъ распросъ копнымъ обычаемъ. На первой копѣ урядникъ ея милости, паньи Петровой, Несторъ не выслушавъ розыска, произведеннаго бояриномъ моимъ Томилцомъ, началъ говорить перебивая его рѣчи, нарушая обычай копнаго права. За тѣмъ, не выслушавъ распроса, обругалъ моего боярина и пошелъ прочь, созвавъ и крестьянъ съ копы. Копа, не допуская поблажки, присудила моему боярину еще разъ собрать копу. Бо-

копу збирати. Тотъ дей бояринъ мой собралъ и другую копу, село наше спольное, вси люди съ части пани Петровои и люди съ части пани Василевои, а къ тому и стороннихъ людей, то есть зъ Новоставецъ, зыменя пана Подскарбего, подданного его милости, Осипа Семеновича, а подданного князя Ярославовича, съ Прусъ, Томила Микитича, а врядника пана Михаила Вильгорского Симоновского Кондрата, которыи, вжо будучи на копе другой, ждали часъ немалый врядника панеи Петровои, ажъ по него посылали, абы на копу пришолъ. И кгды вжо онъ на копу пришолъ съ подданными панеи своеи, почалъ дей на первей, обачивши стороннихъ людей, пытати, чого бы на копу пришли, хто бы ихъ послалъ? И тые люди стороннiи поведили, ижъ дей за прозьбою боярина ее милости, панеи Богу-

---

яринъ мой собралъ и другую копу, на которой было все наше общее село, всѣ люди изъ участка паньи Петровой и люди изъ участка паньи Васильевой, а также стороннiе люди, а именно: изъ имѣнiя его милости, пана подскарбiя, Новоставецъ, крестьянинъ Осипъ Семеновичъ, изъ Прусъ—крестьянинъ князя Ярославовича, Томило Микитичь, и Симоновскiй урядникъ пана Михаила Вильгорскаго, Кондратъ. Эти люди, уже собравшись на вторую копу, долгое время дожидались урядника паньи Петровой, и принуждены были послать за нимъ, чтобы на копу пришолъ. И когда онъ пришолъ на копу съ крестьянами своей паньи и увидѣлъ стороннихъ людей, то, прежде всего, началъ спрашивать, зачѣмъ они на копу пришли, и кто ихъ послалъ? И тѣ люди стороннiе, сказали, что они посланы урядниками пановъ своихъ, по просьбѣ боярина ея милости, паньи Богуринской. Тогда урядникъ паньи Петровой, Несторъ, началъ говорить: «найду де я виноватаго; напрасно мы здѣсь тратимъ

ринское, отъ врядниковъ пановъ своихъ есмо тутъ послани. Врядникъ тежъ паней Петровой, Нестеръ почалъ говорити: »изнайду дей я виноватого, напрасно ся тутъ бавим«. А кгды то вымовилъ, бояринъ дей мой Богуринскій, Томило почалъ тые слова его копою освѣдчати: «Што дей я вжо неповиненъ искати, нехай дей ищетъ, кола такъ говоритъ.« И копа, то все обачивши, почали врядника паней Петровой пытати, если бы онъ ведалъ о томъ, хто того вола вкралъ, ижъ его обецалъ се знаидовати, абы того злодѣя на той копе обявилъ, еслибы на той же копе былъ, або гдѣ инде, абы, водлугъ повести своеи, поведилъ; бо дей где его твоя милость не знаймишъ, якось самъ мовилъ, же дей тотъ бояринъ ее милости панее Багуринское не повиненъ опыту больнъ чинити. Але гдѣй дей твоя милость того злодея, водлугъ повести своее, не ознаймишъ, то дей твоя милость того вола ему заплатити мусишъ. Врядникъ дей паней

время«. Какъ только онъ это сказалъ. тотчасъ бояринъ мой Богуринскій, Томило, началъ свидѣтельствовать эти слова копою, говоря: »Я уже больше не повиненъ искать виноватаго: пусть онъ ищетъ, когда такъ говоритъ«. Копа, все это увидѣвши, начала спрашивать урядника пани Петровой, знаетъ ли онъ, кто вола укралъ? »Такъ какъ твоя милость обѣщалъ найти виноватаго, то долженъ объявить вора на этой же копѣ, и. согласно своему обѣщанію, сказать: находится ли онъ здѣсь на копѣ, или гдѣ индѣ? Потому что, если твоя милость не объявишь вора, какъ ты самъ обѣщалъ. то бояринъ паньи Богуринской уже не повиненъ будетъ производить распросъ, а твоя милость долженъ будешь заплатить за украденнаго вола«. Видя это, урядникъ паньи Петровой. началъ увертываться иными словами, и объявилъ. что онъ ни искать, ни объявлять вора не хочетъ. Копа, выслушавъ это, отложила дѣло до третьей

Петровои, видечи то, почалъ се съ того инишими словы выламовати, ижъ того виноватаго яко самъ знайдовати, такъ тежъ и обявити не хотелъ. Копа, тому ся прислухавши, и отложила до третей копы, которая гды ся зобрала, бояринъ мой Богуринскій, не отступуючи ничого того, што на другой копе было, просилъ копы, абы ему на томъ вряднику паней Петровой, Нестору, водлугъ словъ его было сказано, съ чого ся врядникъ се милости только уворомъ выламовалъ, не хотечи виноватого знайдовати, яко самъ мовилъ, ани обявити. Копа то слышачи, вказали того вола, на вряднику паней Петровой, Нестору, боярину моему, за слушнымъ доводомъ, што за того вола давано, две копы грошей Литовскихъ, и рокъ заплате положили за чотыры недели. За прозьбою моею тая копа и люди сторонніи передъ панею Петровою

копы. И когда собралась третья копа, то бояринъ мой Богуринскій, не отступая ни въ чемъ отъ производства дѣла, бывшаго на второй копѣ, просилъ копу присудить урядника паньи Петровой, Нестора къ уплатѣ за украденнаго вола; такъ какъ этотъ урядникъ только по одному упорству, противясь требованію копы, не хотѣлъ ни объявить, ни отыскивать виноватаго. Копа, слыша это, приговорила взыскать съ урядника паньи Петровой, Нестора, за украденнаго вола, въ пользу моего боярина, назначивъ такую цѣну, какую, по законному удостовѣренію, давали за того вола покупщики, именно двѣ копы грошей Литовскихъ; срокъ платежа назначенъ по истеченіи четырехъ недѣль. По просьбѣ моей, копа и люди сторонніе сознали свой судъ предъ паньею Петровою. Я и сама отъ себя посылала, по этому дѣлу, къ паньи Петровой, прося, чтобы она приказала своему урядику заплатить моему боярину, за

судъ свой сознали. За што я сама, просечи, посылала до паней Петровой, абы того вола врядинку своему боярину моему казала заплатити. Ее милость отказала: »ижъ дей я на голое слово мужицкое врядинку своему за того вола платити не кажу.« Гдежъ тая копа и сторона, передо мною возным Луцкимъ, Яскомъ Опарипескимъ, то сознали: Яко копа была, што на ней будучи, межи тымъ урядникомъ паней Петровое и бояриномъ паней Богуринское точилося, и яко передъ пани Петровою копа и сторона вызнавали, и пани Петровая прошона отъ пани Богуринское, абы то на рокъ пани Петровая врядинку своему казала то заплатити, и што пани Петровая отказала, то мнѣ повѣдили.« И просила ее милость пани Богуринская, весполокъ зъ сынми своими, абы то было записано. А такъ я тое очевистое возного сознане до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

украденнаго вола. Ея милость, панья Петровая, отвѣчала: »Я де, на голое мужицкое слово, уряднику своему, за того вола, платить не приказываю«. Тамъ же вышеозначенная копа и люди сторонніе сдѣлали предо мною, вознымъ Луцкимъ, Яскомъ Опарипескимъ, показаніе о томъ, какъ собиралась копа, что происходило на этой копѣ между урядникомъ паньи Петровой и бояриномъ пани Богуринской, какъ предъ паньею Петровою, копа и люди сторонніе объявляли свой приговоръ, и какъ пани Богуринская просила, чтобы пани Петровая приказала своему уряднику заплатить за украденнаго вола, въ назначенный срокъ, и что отвѣчала на это пани Петровая; все это мнѣ разсказали. И просила ея милость, пани Богуринская, вмѣстѣ съ сыновьями своими, чтобы это было записано. По этому я вышеизложенное личное донесеніе securityзнаго приказалъ записать въ гродскія книги.

(Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѣ).

III.

Копный судъ о поджогѣ. Копа ведетъ слѣдъ. Рѣшеніе копнаго суда. 1583, Генваря 2.

Року 1583, мѣсяца Генваря 2 дня.

Ставши предо мною Фалелѣемъ Бережецкимъ, на тотъ часъ будучимъ на мѣстцу пана Станислава Петровскаго, подстаростего Луцкого, въ замку господарскомъ Луцкомъ, Шляхетный Матысъ Хорковскій жаловалъ и оповедалъ тыми словы: Што жъ дей суседове мое, близко суграничники, зыменя Рожищъ люде, на слѣдъ шкодника моего выйти нехотели; а мне дей великіе кривды и шкоды немалые, отъ ихъ стороны, починилися, а шкодника дей своего межи ними ведати не могу, хде ся переховываетъ, а они дей его выявити и на слѣдъ выходити не хочутъ. Авже дей ми то не пооднокротъ зъ сто-

---

III.

1583 года, мѣсяца Генваря, 2 дня.

Предо мною Фалелеемъ Бережецкимъ, исправляющимъ временно должность пана Станислава Петровскаго, подстаросты Луцкаго, явившись въ замкѣ господарскомъ Луцкомъ, Шляхетный Матысъ Хорковскій, жаловался, объявляя свою жалобу слѣдующими словами: »Сосѣди мои близкіе, пограничные люди изъ имѣнія Рожищъ, не хотѣли выйти на слѣдъ моего шкодника, а мнѣ, съ ихъ стороны, нанесены великія обиды и причиненъ вредъ немалый, а шкодника своего между ними вѣдать не могу, и не знаю, гдѣ онъ скрывается, а они открыть его и на слѣдъ выйти не хотятъ. И уже мнѣ не впервый разъ, съ ихъ стороны, причиняется вредъ, неизвѣстно кѣмъ: жгутъ и опустошаютъ все мое имущество и имѣньице мое, село Кобче, данное мнѣ для прокормленія его вельможною милостію,

роны ихъ, нетъ ведома отъ кого, шкода такая ми ся ставаетъ, штожъ маетность мою всю и именечко мое, село Кобче, которое есми милъ на выховане отъ его велможное милости князати Марка Сокольского, пана моего милостивого, тое ми палятъ и пустошать, не ведаю хто таковый. И тыми часы, недавно прошлыми, въ року тысеча пять сотъ осьмдесятъ второмъ, мѣсяца Ноября двадцатпятаго дня, зъ недѣли на понеделокъ, оттоль же ночью, праве у первоспы, злодѣйскимъ обычаемъ подышедши, уже то пятый кротъ, и будуване тежъ пятое спалено, которого будованя жаднымъ обычаемъ уборонити ани маетности дей своее выратовати есми не могъ; гдыжъ, презъ того злого шкодника дей и презъ неднокротное палене его и пустошене села и маетности моее, великіе дей шкоды маю и поношу, болшей нижли на чотыриста копъ грошей Литов-

---

княземъ Маркомъ Сокольскимъ, паномъ моимъ милостивымъ; это имѣніе жгутъ и опустошаютъ, а виноватаго я не вѣдаю. И теперь, въ недавнее время, въ тысяча пятьсотъ восемьдесятъ второмъ году, мѣсяца Ноября двадцать пятаго дня, съ недѣли на понедѣльникъ, ночью, ровно во время перваго сна, кто-то, подошедши воровскимъ обычаемъ, уже въ пятый разъ, сжегъ пятое строеніе. Этого строенія я никакимъ способомъ защитить и имѣнія своего спасти не могъ. Такою неоднократною поджогою и опустошеньемъ села, имущества моего причинены мнѣ, шкодникомъ моимъ, великіе убытки, болѣе чѣмъ на четыреста копъ грошей Литовскихъ. Чтобъ отыскать шкодника, я, въ понедѣльникъ утромъ, собралъ людей добрыхъ, сосѣдей околичныхъ, смѣжныхъ сходатаевъ Рожищскихъ, изъ всѣхъ селъ, ниже поименованныхъ: изъ Любча, изъ Рудки, изъ Козина, изъ Става, изъ Соловина, изъ Дуща, изъ Навоза, изъ Соколя, изъ Смер-

скихъ. За которымъ дей шкодникомъ своимъ, рано въ понедѣлокъ, зобравши дей есми людей добрыхъ, суседовъ околичныхъ, а сходатаiовъ Рожисцкихъ суграничныхъ, зо всихъ селъ тыхъ меновите помененыхъ: зъ Любча, зъ Рудки, съ Козина, зъ Ставу, зъ Соловина, зъ Дуща, зъ Навоза, зъ Соколя, зъ Смердина; къ тому тежъ людей сторонъныхъ: зъ Суска, зъ Володковщизны, зъ Носячевичь, зъ Лукова, зъ тою всею копою, слидъ погналъ, который следъ ни чiй иншiй, только шкодника дей моего. Отъ тоее пожежи копа, вземши зъ села моего Кобча следъ, одвела ажъ до границы на грунтъ ихъ Рожисцкiй, неподалеко одного сельца и врочища ихъ Свинохъ, тамъ где чебени мешкаютъ. Тамъ же дей копа вся, на томъ слѣду зостоновивъшися, и послала до того сельца ихъ, зовучи на слидъ, абы они шли. Они дей выйти не хотели. А такъ дей ко-

---

дина; сверхъ того людей стороннихъ: изъ Суска, изъ Володковщизны, изъ Носячевичь. изъ Лукова. Со всею этою копою, я погналъ слѣдъ, который былъ ни чей иной, какъ только моего шкодника. Копа, взявъ слѣдъ отъ пожарища, отвела его, изъ моего села Кобча, до границы земли Рожищской, недалеко отъ сельца и урочища Свинюхъ, гдѣ живутъ пастухи. Остановившись тамъ на слѣду, вся копа послала въ Рожищское сельцо Свинюхи и звала жителей, чтобъ шли на слѣдъ; но они выйти не хотѣли. По этому копа, не уклоняясь отъ строгости права, переночевавъ на слѣду, во вторникъ утромъ, снова посылала отъ себя добрыхъ стороннихъ людей, ко всѣмъ селамъ Рожищскимъ, какъ къ своимъ сходатаямъ: въ село Свинчаны, Топольное, въ село Старое Рожище, въ Волю Рожищскую и Пожарки, приглашая на копу, и требуя, чтобы жители изъ сельца Свинюхъ, гдѣ пастухи живутъ, также жители изъ всѣхъ селъ

ца, не чиначи имъ въ томъ кородкости права, переночевавши дей на следу, рано волторокъ, послала съ копы знову до всихъ селъ Рожицъскихъ, яко до сходатаевъ своихъ, людей добрыхъ сторонъныхъ: до Свиньчанъ и до Топольного, такъ тежъ до села Старого Рожица и до Воли Рожищское, и Пожар ковъ, звещаючи имъ на копу, и о томъ, абы Свинъчане, где чебени живуть, съ того селца люде, такъ тежъ зо всихъ селъ Рожищкихъ, вышедши на грунтъ, свой Рожищкій, отъ границы следъ шкодниковъ, отъ всее копы тое, взяли, а зъ грунту своего Рожищскаго, водле стародавнее свыклости, ажъ до иншое границы, вывели. То пакъ дей тые вси села Рожищскіе, звышъпомененые звистку того слухати, ани на копу выйти и слиду того взяти выводити не хотели. Штожъ дей копа въ томъ имъ еще была фольгу учинила, послала съ копы человека добраго,

---

Рожищскихъ, вышли на свою Рожищскую землю, взяли бы на границѣ этой земли, отъ всей копы, слѣдъ шкодника, и вывели бы этотъ слѣдъ изъ своей земли Рожищской до иной границы, по стародавнему обычаю. Но всѣ вышеозначенные села Рожищскія ни слушать позва, ни выйти на копу, ни взять и отвести слѣдъ не хотѣли. Копа оказала имъ снисхожденіе тѣмъ, что еще разъ посылала отъ себя добраго человѣка, къ урядпику Рожищскому Степану Калениковичу, требуя, чтобы Рожищскіе крестьяне его милости, пана владыки Луцкаго, вышли на копу, созванную со стороны пана Сокольскаго: потому что шкода никому не мила; при томъ же, издавна между нами отыскиваютъ преступника ничѣмъ инымъ, какъ только копою. Поэтому, Рожищане, будучи издавна нашими сходатаями, если бы на копу не вышли, всѣ или одно изъ ихъ селъ, то весь причиненный преступникомъ вредъ падетъ на нихъ. Но урядникъ

до врядника Рожицкого, наймя до Степана Каленикавича, ознаймуючи ему о томъ, абы подданые его милости, пана владыки Луцкого, Рожищскіе на тую копу, отъ стороны Сокольскіе зозваную, выйшли; бо дей шкода пикому не мила, гды жъ дей здавна межи нами шкодника ничимъ, одно копою доходятъ; гдыжъ дей они, яко сходатае наши здавна будучи, где бы не вышли, хотя бы одно село не стало на копи, тогда дей и къ тому шкода тая приложена отъ копы будетъ. А такъ дей врядникъ тотъ самъ того слухати, такъ тежъ подданымъ ознаймити того не хотелъ. Гдыжъ имъ копа знову, чрезъ свое посланцы, третій разъ, звестила, абы выйшли на копу; вони, подобъно дей чуючи межи собою шкодника моего, и на тотъ заказъ ничого не дбали, и на копу выйти, и о собе справы ниякое дати не хотели. Видечи то копа упоръ ихъ великій, тогды,

---

Рожищскій не хотѣлъ ни самъ слушать, ни объявить объ этомъ крестьянамъ. Копа снова, въ третій разъ, требовала чрезъ своихъ посланцевъ, чтобъ на копу вышли; но они, догадываясь, вѣроятно, что между ними находится преступникъ, не уважили и этого позва, на копу выйти и отвѣта о себѣ дать не хотѣли. Копа, видя такое великое упорство ихъ, тотъ же часъ, стоя на томъ же слѣду, послала въ урядъ за вознымъ, и съ этимъ вознымъ и съ сторонними людьми, приговорила всѣ села Рожищскія, за ихъ невыходъ, къ уплатѣ всѣхъ убытковъ, причиненныхъ мнѣ преступникомъ.« За тѣмъ, болѣе десяти человѣкъ изъ копы, явившись въ урядѣ замка господарскаго Луцкаго, въ тотъ же день, вышеозначеннаго числа, объявили слѣдующими словами: »Мы, вмѣстѣ съ вознымъ и сторонними людьми, присланы въ урядъ Луцкій, отъ копы, отъ всей нашей великой громады, для вызнанья и объявленія суда своего копнаго, а

на тумъ же слѣду стоячи, по возного собе до вряду послала, а съ тымъ вознымъ и зъ людьми сторонъными, тая копа въся шкоды мое на все села Рожищскіе, за невыходъ ихъ вложила. А такъ съ тоее копы, чоловека околькодесять, постановивъшися на вряде въ замку господарскомъ Луцкомъ, тогожъ дня и даты вышейописаное, повидили тыми словы: ижъ дей мы, отъ всее громады нашое великое, до вряду Луцкого, на вызнанье и на отказованье суду своего копнаго зъ вознымъ и стороною прислани несмо отъ копы, то есть меновите: Лукьяна зъ Навоза, пана Анъдрия Загоровского подданый; съ тогожъ Новоза Сивулаша, князя Марка Сокольского подданый; Грицъ зъ Смерьдина, пана Щасного, Харлинскаго, подъкоморого Киевского, подданый; съ тогожъ Смердина Ивана князя Сокольского подданый; съ Дуща Моисея а Трута, а зъ Сокольна

именно: Лукьянъ крестьянинъ пана Андрея Загоровскаго изъ Навоза, Сивулашъ, крестьянинъ князя Марка Сокольскаго изъ того же Навоза, Грицъ крестьянинъ пана Щаснаго Харлинскаго, подкоморія Кіевскаго, изъ Смердина, изъ тогоже Смердина Иванъ, крестьянинъ князя Сокольскаго, изъ Дуща Моисей и Трутъ, а изъ Соколина Куцъ и Ивашко, крестьяне тогоже пана Сокольскаго, изъ Любча Несторъ, крестьянинъ князя Григорія Любецкаго, изъ Рудки Феня, а изъ Козина Данило, изъ Ставу Симонъ, изъ Соловина Бартошъ, крестьяне того же князя Любецкаго, изъ Любча Онисько и Кондратъ изъ Рудки Кунцъ изъ Става, Исаія изъ Соловика, крестьяне ея милости, паньи Николаевой Харлинской, изъ Любча Янъ Ляхъ, крестьянинъ князя Григорія Коширскаго; притомъ сторонніе люди: изъ Лукова Прокопъ и Мишко Ждановичъ, крестьяне пана Андрея Загоровскаго, изъ Суска Юско Романчичъ, изъ Нося-

Куца а Ивашка, тогожъ князя Марка Сокольского подданые; зъ Любча Нестера, князя Григорья Любецкого подданый; зъ Рудки Феня, а съ Козина Данила, зъ Ставу Симона, зъ Соловина Бартоша, тогожъ князя Любецкого подданые; зъ Любча Ониска, Кондрата, зъ Рудки, Кунца зъ Ставу, Исая зъ Соловика, ее милости панее Миколаевое Харлинское подданые; зъ Любча Яна Ляха, князя Григоря Коширского подданный. При томъ стороныхъ людей: зъ Лукова Прокопа а Мишка Ждановича, пана Андрея Загоровского подданые; зъ Суска Юска Романъчича, зъ Носячевичъ Антона, пана Щасного Харълинъского подданые, зъ Володковицизны Остапа, князя Василя Сокольского подданые. Штожъ мы вызнаваемъ отъ всее копы, ижъ дей тыхъ селъ въ всихъ звышъ помененыхъ здавна о шкоды въшелякие зъ Рожищаны, на границу, або где колвекъ

чевичъ Антонъ, крестьяне пана Щаснаго Харлинскаго, изъ Володковщизны Остапъ, крестьянинъ князя Василія Сокольскаго. Всѣ, мы, посланцы, объявляемъ отъ всей копы, что вышепоименованныя села издавна сходились съ Рожищанами для изслѣдованія всякаго вреда, причиненнаго преступникомъ, на границѣ, или гдѣ бы ни былъ причиненъ вредъ; а теперь ни одинъ изъ нихъ, для изслѣдованія вреда, причиненнаго сосѣду нашему пану Хорковскому, ни выйти на слѣдъ шкодника, ни дать о себѣ надлежащаго свѣдѣнія не хотѣлъ. А такъ какъ, по нашему копному праву, выходъ всегда платитъ за вредъ, понесенный истцомъ: то поэтому вся копа, поступая по копному праву и стародавнему обычаю своему, присудила всѣ убытки истца взыскать съ селъ Рожищскихъ, за ихъ невыходъ. Вслѣдствіе чего, копа, въ присутствіи вознаго и стороннихъ людей, подвергла взысканію всѣ села Рожищскія, за ихъ не-

шкода, тамъ схоживалися личити, а теперь до насъ на ликъ о шкоды суседа нашого, пана Харъковского, на слѣдъ шкодника его, ни одинъ зъ ныхъ выйти, такъ тежъ о собе справы слушное дати не хотели. А ижъ дей, водле права нашого копного, невыходъ всегды платитъ шкоды; штожъ копа вся, заховуючися водле права копного и звычаю стародавного своего, шкоду тую, ко всимъ селомъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, приложила, и, маючи дей при собе возного и сторону, тую шкоду ко всимъ седомъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, приложила, осумовавши, а подлугъ менованя шкодъного, на шкоды его доводъ ему вказала. Што менечи собе шкодный такъ, яко чотыриста копъ грошей Литовскихъ; а тумъ же, передъ нами копою всею, передъ вознымъ и стороною. панъ Матысъ Хоръковскій самотреть доводъ учинилъ, а мы тей ему шкоду его присудили на всѣхъ

выходъ, оцѣнивъ убытки согласно съ показаніемъ истца, который, по опредѣленію копы, долженъ былъ подтвердить свое показаніе присягою. Истецъ, панъ Матысъ Хорковскій, оцѣнилъ понесенные имъ убытки въ четыреста копъ грошей Литовскихъ, и тамже предъ нами, предъ всею копою, въ присутствіи вознаго и стороннихъ людей, самъ-третей, подтвердилъ свое показаніе присягою. А мы присудили ему взысканіе на всѣхъ селахъ Рожищскихъ, съ тѣмъ, чтобы эти села, удовлетворивъ пана Хорковскаго, искали себѣ виноватаго. Въ слѣдъ за тѣмъ, возный повѣта Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, явившись лично предо мною, здѣсь же въ замкѣ господарскомъ Луцкомъ, объявилъ, для записанія въ книги гродскія Луцкія, слѣдующее: »Будучи отряженъ урядомъ на вышепомянутую копу, присутствовалъ я, вмѣстѣ съ двумя шляхтичами, панами Яномъ Несебенцкимъ и паномъ Матысомъ

селахъ **Рожищскихъ**, абы они, заплативши тую шкоду пану **Хорковскому**, а собе вииьного искали. Гдыжъ возный повету Луцкаго, **Войтехъ Яблонскій**, постановившися обличьне передо мною, тутъ же въ замку господарскомъ Луцкомъ, тогожъ дня, тымижъ словы до книгъ гродскихъ Луцкихъ ку записованью сознал̂ъ. **Штожъ** дей я, будучи зъ уряду врадовымъ до копы тоее и маючи дей я при собе двухъ шлахтичовъ: пана **Яна Нисебеницъкого** а пана **Матыса Выгоновского**, при томъ людей добрыхъ стороньныхъ звышьпомененыхъ, при которыхъ дей я будучи у громады великой, копе, которая была отъ пана **Матыса Хорьковского** зобрана, на слѣду шкодника его, у границы, на грунте **Рожищскомъ**, року осемдесятъ второго, мѣсяца **Ноября** двадцать осмого дня, тамъ же на тотъ часъ видилъ есми слѣдъ и ступы человечие къ сельцу **Рожищскому**, где чебани мешкають, идучи на который слѣдъ зъ **Рожищское** стороны, глы громада кликала и пытала,

---

Выгоновскимъ, а также съ сторонними добрыми людьми на копѣ, великой громадѣ, которая была собрана паномъ Матысомъ Хорковскимъ, на слѣду шкодника его, у границы на землѣ Рожищской, въ тысяча пять сотъ восемдесятъ второмъ году, мѣсяца Ноября двадцать восьмаго дня. Тамъ же, въ это время, видѣлъ я слѣдъ и ступни человѣчія по дорогѣ къ сельцу Рожищскому, гдѣ живутъ пастухи. Громада, дойдя по этому слѣду до земли Рожищской, кликала и вызывала Рожищанъ; но ни одинъ человѣкъ съ ихъ стороны не отозвался, никто не вышелъ и не взялъ слѣда. Копа засвидѣтельствовала невыходъ ихъ мною вознымъ и сторонними людьми. За тѣмъ я осматривалъ вредъ, причиненный пану Хорковскому въ имѣніи его Кобчемъ и видѣлъ пять домовъ, сожженныхъ со всѣми прина-

а жаденъ человѣкъ зъ ихъ стороны къ нему выйти и его узяти не озвался. Што дей копа мною вознымъ и стороною освѣтчила невыходъ ихъ; а шкоду пана Хоръковского, тамъ же на тотъ часъ будучи выменечку его Кобчи, видилъ есми домовъ пять зо всею оселею попаленыхъ, а три хаты тутошнахъ. А такъ тую шкоду копа вся, при томъ возномъ и стороне тамъ осумовала; при которой шкоди его, копа ему самотретему доводъ учинить вказала, што собе онъ шкоды четырыста копъ грошей Литовскихъ менячи быть. Панъ Хоръковскій на томъ доводъ самотреть учинилъ. Якожъ дей то, за доводомъ его слушнымъ, водле права и артикулу шостого въ разделе чотырнадцатомъ учиненымъ, копа вся приложила шкоду его ко всимъ селамъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, и вказала тую суму пану Матысу Хоръковскому, за шкоды его, на ихъ, абы дей они, тое заплативши, а собе винъного искали. А такъ тотъ судъ свой копный, копа вся, через

длежностями. и три тамошнія хаты. Копа. оцѣнивъ весь этотъ вредъ, при мнѣ возномъ и стороннихъ людяхъ, опредѣлила, чтобъ истецъ самъ-третей подтвердилъ оцѣнку понесенныхъ имъ убытковъ присягою. И панъ Хорковскій, оцѣнивая свои убытки въ четыреста копъ грошей. подтвердилъ это самъ-третей присягою. На основаніи этого законнаго доказательства. согласно артикулу шестому въ раздѣлѣ четырнадцатомъ Статута, вся копа опредѣлила взыскать за вредъ. причиненный преступникомъ. со всѣхъ селъ Рожищскихъ, за ихъ невыходъ. и вышеозначенную сумму присудила пану Матысу Хорковскому съ тѣмъ, чтобы Рожищане. уплативъ эту сумму. искали себѣ виноватаго. Такой судъ копный объявила мнѣ уряду вся копа. чрезъ вознаго и поименованныхъ выше стороннихъ людей,

возного повету Луцкого, Войтеха Яблонского, и сторону звышъпомененую, мнѣ уряду объвестила и половицу пересуду дала. Штожъ я, не отступуючи права посполитого и статуту Великого князства Литовскаго, зложилъ есми рокъ заплате пенежной, тымъ чотыремъ сотъ копамъ, подлугъ артикулу пятдесятъдевятого въ роздеде четъвертомъ, на каждую сто копъ двенадцать недель. А такъ плачонъ быти маетъ, почонъши отъ сего дня, мѣсяца Генваря второго дня, втомъ року осемдесятъ третемъ. А такъ я тое оповеданье пана Хоръковъского и возного сознане, такъ тежъ объвещенъе, через сторону, суду ихъ копъного, которая притомъ была, и рокъ запълате, отъ уряду положоный, до книгъ гродъскихъ Луцъкихъ записати есми казалъ.

давъ половину пересуда. Въ слѣдствіе чего, я, не отступая отъ права посполитаго и статута Великаго Княжества Литовскаго назначивъ срокъ для уплаты четырехъ сотъ копъ, согласно артикулу пятьдесятъ девятому раздѣла четвертаго, то есть, на каждые сто копъ, двѣнадцать недѣль, считая срокъ съ нынѣшняго втораго числа мѣсяца Генваря, восемдесятъ третьяго года. За тѣмъ я вышеизложенное объявленіе пана Хорковскаго донесеніе вознаго, также засвидѣтельствованіе стороннихъ людей о копномъ судѣ и срокъ для уплаты денежнаго взысканія, урядомъ назначенный, приказалъ записать въ гродскія Луцкія книги.

(Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76—79).

IV.

Слѣдствіе и распросъ громады о найденномъ въ городѣ Дубнѣ трупѣ неизвѣстнаго убитаго человѣка. Донесеніе вознаго. 1596 Августа 5.

Року тысяча пять сотъ девятьдесять шостого, мѣсяца Августа, пятого дня.

Пришедши на врядъ замку его королевское милости Луцкаго, передъ мене Александра Сѣмашка на Хупкове, Кашталяна Браславскаго, старосты Луцкаго, урожоный панъ Петръ Сметанковичь Былчинскій, урядникъ Дубенскій княжати его милости, пана воеводы Кіевского, оповедалъ тыми словы: «ижъ дей въ року теперь идучомъ девять десять шостомъ, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, въ понедѣлокъ ран, праве на свѣтанью, въ мѣстѣ Ду-

---

IV.

Тысяча пятьсотъ девяносто шестаго года, мѣсяца Августа, пятаго дня.

Явившись въ урядъ Луцкаго замка его королевской милости, предо мною Александромъ Сѣмашкомъ на Хупковѣ, кастеляномъ Брацлавскимъ и старостою Луцкимъ, благородный панъ Петръ Сметанковичъ Былчинскій, Дубенскій урядникъ князя, его милости, пана воеводы Кіевскаго, объявилъ слѣдующими словами: «Въ нынѣшнемъ девяносто шестомъ году, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, въ понедѣльникъ утромъ, на самомъ разсвѣтѣ, мѣщане Дубенскіе нашли тѣло неизвѣстнаго убитаго человѣка, въ городѣ Дубнѣ, на Швецкой улицѣ; и не извѣстно, былъ ли этотъ человѣкъ убитъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и привезенъ въ Дубно, или кто нибудь убилъ его въ этомъ городѣ. Я, согласно съ правомъ посполитымъ, три раза собиралъ громаду, въ томъ же городѣ Дубнѣ, изъ мѣщанъ и

бенскомъ, на улицы Швецкой, мещане Дубенскіе нашли тѣло чоловѣка забитого, незнаемого, которого не ведати, если, гдѣ индей хтось забивши, подвезъ, аболи тежъ хто тутъ въ мѣстѣ забилъ. На што дей я, заховуючися водьле права посполитого, мещанъ и предъмещанъ Дубенскихъ, по три разы громаду, тамъ же въ мѣстѣ, чинилъ, на которыхъ всихъ трохъ громадахъ, нихъто не позналъ, хто и откуль той человѣкъ былъ. И о томъ мужобойцы, не могучисе припытать, на търетей остатней гъромаде, вказалемъ дей имъ всимъ присягнуть; якожъ дей и присягнули на томъ мужобойцы, отъ кого се стало, межи собою не ведають, и не суть причинцами сами того мужобойства, а ни его знаютъ, откуль и кто былъ.« И кгды то на вряде панъ Былчинскій оповедалъ, то кгды заразомъ тогожъ року, мѣсяца и дня звышьименованного, по-

---

предмѣщанъ Дубенскихъ, а также изъ селъ околичныхъ Дубенскихъ. На всѣхъ этихъ трехъ громадахъ никто не узналъ, кто былъ убитый, и откуда. И такъ какъ я не могъ допытаться, кто былъ убійца, то, на послѣдней, третьей громадѣ, приказалъ присягнуть всѣмъ вышеозначеннымъ людямъ, которые присягнули въ томъ, что они не знаютъ между собою убійцы, что они сами не были причиною убійства, и убитаго не знаютъ кто онъ, и откуда». И когда панъ Былчинскій объявилъ это въ урядѣ, то, тотъ же часъ, въ томъ же году, вышеозначеннаго мѣсяца и числа, явившись лично предо мною Янъ Валевскій, Генеральный возный воеводства Волынскаго, донесъ слѣдующее: »Былъ я приглашенъ на слѣдствіе, паномъ Петромъ Сметанковичемъ Былчинскимъ, урядникомъ Дубенскимъ, въ нынѣшнемъ девяносто шестомъ году, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, а при мнѣ была шляхта, сторонніе люди,

становившися обличне передо мною, Янъ Валевскій, возный енералъ воеводства Волынскаго, сознал тыми словы: «ижъ дей, будучи мне взятымъ на справу отъ пана Петра Сметанковича Былчинеского, урядника Дубенского, въ рокутеперь идучомъ девять десять шостомъ, мѣсяца Іюля двадцать второго дня, а маючи я при собе сторону шляхту, былъ есми въ мѣстѣ Дубне и видѣлъ есми чоловѣка на смерть забитого, лежачого, на марахъ, посередъ рынку Дубенского, противъ церкви Святого Миколы. Тамъ же мещане и предъмещане Дубенскіе и зъ селъ околичныхъ Дубенскихъ подданные были на громаду зобраные. И оповѣдалъ передо мною вознымъ панъ Былчинскій, ижъ дей, дня сегоднешнего, въ понедѣлокъ, рано на свитанью, мещане Дубенскіе нашли того чоловѣка, на смерть забитого, въ мѣстѣ тутошнимъ Дубенскомъ, на улицы Швецкой. Тыежъ мещане и вся громада

Прибывъ въ городъ Дубно, я видѣлъ человѣка убитаго на смерть, лежащаго на носилкахъ, посреди рынка Дубенскаго, противъ церкви Святаго Николы. Тутъ же были собраны на громаду мѣщане и предъмѣщане Дубенскіе и крестьяне изъ селъ околичныхъ Дубенскихъ. И объявилъ предо мною вознымъ панъ Былчинскій, что сего дня, въ понедѣльникъ, утромъ на разсвѣтѣ, мѣщане Дубенскіе нашли этого человѣка, убитаго на смерть, въ здѣшнемъ городѣ Дубнѣ, на Швецкой улицѣ. Мѣщане Дубенскіе и вся громада объявляли и показывали мнѣ раны на тѣлѣ убитаго: голова и все лицо избиты, такъ что едва можно узнать, что челевѣкъ былъ; а на затылкѣ двѣ раны, нанесенныя, вѣроятно, сѣкиркою, и все тѣло синее, избитое. И сказали мнѣ мѣщане и вся громада: Мы де этого человѣка не знаемъ, и не вѣдаемъ, откуда онъ, и кто его убилъ; не знаемъ также, не былъ ли онъ убитъ

оповедали и оказовали мнѣ на томъ тѣлѣ раны, то есть голова и тварь вся збита, ледво знать, что человѣкъ былъ, и въ тылъ головы двѣ раны, знать сокиркою тятые, и все тѣло сине побито, котораго дей человѣка незнаемо, ни ведаемо, откуль былъ, и кто его забилъ, аболи тежъ неведаемо, если его откуль инудъ забитого не подвезено и тутъ покинено. Потомъ панъ Былчинскій, тымъ же мещаномъ, и предъмещаномъ, и селамъ околичнымъ, на громаду другую зыйтысе, для лепшого выведеня и опыту, приказалъ, на день двадцать четвертый, мѣсяца Юля въ року теперешнемъ девять десять шостомъ, на тожъ местьце, на рынокъ Дубенскій, и того человѣка забитого тамъже вынесть казалъ, и выведыванье на той громаде, межи тыми всими подданными, водлугъ права, передо мною чинилъ, якобы се могъ довидать, хто его забилъ, кто и откуль

гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, подвезенъ въ нашъ городъ и здѣсь покинутъ. Потомъ панъ Былчинскій приказалъ тѣмъ же мѣщанамъ, предмѣщанамъ и селамъ околичнымъ, для лучшаго изслѣдованія и распроса, сойтись на вторую громаду, на тоже мѣсто, на рынокъ Дубенскій, нынѣшняго девяносто шестаго года, мѣсяца Юля, двадцать четвертаго дня. На этой громадѣ, панъ Былчинскій, приказавъ вынести убитаго на тоже мѣсто дѣлалъ, въ моемъ присутствіи, распросъ между всѣми означенными выше людьми, стараясь вывѣдать, кто и откуда былъ убитый, и кто его убилъ. Но никто изъ нихъ не отозвался, кто бы убитаго зналъ, или вѣдалъ, откуда онъ былъ. Не могли также довѣдаться и объ убійцѣ, а также и о томъ, не былъ ли убитый привезенъ изъ какого нибудь другаго мѣста. За тѣмъ, панъ Былчинскій, подъ страхомъ наказанія, въ правѣ посполитомъ назначеннаго, приказалъ еще разъ со-

былъ. Нижли нихто не отозвалсе, абы его мелъ знать и ведать, откуль былъ. Также и о томъ мужобойцы, хто его забилъ, або откуль если бы подвезенъ забитый былъ, доведати се не могли. За чимъ панъ Былчинскій, водле винною, въ праве посполитомъ описаною, тымже мѣщанамъ и селамъ околичнымъ Дубенскимъ, што и перво были, то есть: селу Ранчину, селу Погорелцомъ, селу Иваню, селу Головчичамъ, селу Ваznесеню, селу Тороканову и селу Подборцамъ, на тоежъ мѣсце на рынокъ Дубенскій, противъ церкви Святого Миколы, на громаду казалъ, зложивши имъ рокъ на день соботній, тогожъ мѣсяца Июля, двадцать шостого дня. Кгды оные вси, такъ яко и перво, на громаду зшедшисе, при томъ тѣлѣ, которое было до нихъ третій разъ вынесено, выведанье водле права, хто его забилъ, и откуль той человѣкъ былъ, чинили; а панъ Былчинскій,

---

браться на громаду, на томъ же мѣстѣ, на рынкѣ Дубенскомъ, противъ церкви Св. Николы, тѣмъ же мѣщанамъ и селамъ околичнымъ Дубенскимъ: которыя и прежде собпрались, а именно: Селу Ранчину, селу Погорѣльцамъ, селу Иваню, селу Головчичамъ, селу Вознесенью, селу Тороканову и селу Подборцамъ. Срокъ для этого назначенъ въ субботу, того же мѣсяца Іюля двадцать шестаго дня. И когда всѣ, какъ и въ первый разъ, сошлись на громаду, при трупѣ, который былъ въ третій разъ вынесенъ къ нимъ, то дѣлали, согласно съ правомъ, распросъ, допытываясь, откуда былъ убитый, и кто его убилъ. А панъ Былчинскій, какъ урядникъ тамошній, еще особо объ этомъ распрашивалъ. Когда и на этой третьей, послѣдней громадѣ, сходатаи ничего между собою о томъ убитомъ человѣкѣ не допытались, тогда панъ Былчинскій, поступая согласно съ правомъ, опредѣлилъ декретомъ

яко врядъ тамошній, межи ними особливе се о томъ пыталъ. А кгды, и на той третей, остатней громаде, о томъ человѣку забитомъ межи собою не допытали, тогды имъ всимъ панъ Былчинскій, водлуг права, декретомъ своимъ наказалъ присегу, яко его не знали, о мужобойцы межи собою не ведаютъ, и нихъто зъ нихъ причійною того мужобойства не есть, которую присягу каждый зъ нихъ передо мною возным, при теле забитого, передъ церковью Святого Миколы, за выданемъ роты, водлугъ декрету вышъменованого, учинили. Што мною возным и стороною панъ Былчинскій освѣтъчивши, тое тѣло на цвинътару у костела римского, въ мѣстѣ Дубенскомъ, поховать казалъ. По которомъ оповеданю своемъ и при сознанью возного, просилъ панъ Былчинскій, абы то было до книгъ записано; штомъ я записати казалъ.

своимъ, чтобы всѣ вышеозначенные люди присягнули въ томъ, что они убитаго не знали, убійцы между собою невѣдаютъ, и что никто изъ нихъ не былъ виновникомъ убійства. Такую присягу каждый изъ нихъ, на основаніи вышеозначеннаго декрета, по выданной формѣ, учинилъ предо мною вознымъ, при трупѣ, предъ церковью Св. Николы. Засвидѣтельствовавъ все это мною вознымъ и сторонними людьми, панъ Былчинскій приказалъ похоронить трупъ на кладбищѣ у католическаго костела, въ городѣ Дубнѣ«. Послѣ такого объявленія, подтвержденнаго донесеніемъ вознаго, просилъ панъ Былчинскій, чтобы это объявленіе записано было въ книги; и я записать приказалъ.

(Книга гродская Луцкая 1596 года, листъ 588).

V.

Копный судъ о покражѣ меду изъ борти и о сожженіи бортнаго дерева. 1608 Мая 15.

Року тысяча шесть сотъ осьмаго, мѣсяца Мая пятогонадцать дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевской милости Володимерскомъ, передо мною Томашемъ Козиковскимъ, буръграбимъ и намѣстникомъ подстароства Володимерского, постановившиее обличне подданый Его королевской милости Стеферицкій Федоръ войтъ, Кратлипченя присяжникъ, Лучка Панасеня присяжникъ, Олешко Деценя присяжникъ, Юсько Ярмаковичъ присяжникъ, а подданые его милости пана Юська Овлучимскаго, писара земскаго Володимирскаго зъ Овлучима: Яцко

V.

Тысяча шестьсотъ восьмаго, года, Мая пятнадцатаго дня

Въ урядѣ гродскомъ, въ замкѣ его королевской милости Владимірскомъ, являлись лично, предо мною, Томашемъ Козиковскимъ, бургграфомъ и намѣстникомъ подстароства Владимірскаго, крестьянинъ его королевской милости Ѳедоръ Стеферицкій войтъ, присяжный Кратлипченя, присяжный Лучка Панасеня, присяжный Юшко Ярмаковичъ, а съ ними крестьяне его милости, пана Юська Овлучимскаго, писаря земскаго Владимірскаго изъ Овлучима: Яцко Бортникъ, Ѳедоръ Бутковичъ и крестьянинъ пана Ивана Овлучимскаго изъ Овлучима, Янко Бортникъ, также крестьяне пана Фридриха подсудка Хелмскаго, изъ Великой Вербы и изъ Руды: Яско Попковичъ, Иванъ Гриценя, Совтунъ Сотеня, Симонъ Юськовичъ, сами отъ себя и отъ всѣхъ другихъ сосѣдей своихъ, бывшихъ на правѣ коп-

бортникъ, Федоръ Бутковичъ, а подданый пана Ивана Овлучимскаго зъ Овлучима Янко бортникъ, а подданые пана Фридриха, подсудка Хельмъскаго, зъ великое Вербое и зъ Руды: Ясько Попковичъ, Иванъ Грицеля, Совтунъ Саченя, Симонъ Юсковичъ, сами отъ себе и отъ всихъ иншихъ сусѣдовъ своихъ, на правѣ копномъ будучихъ, и при нихъ возные енеральные, шляхетные Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій, ку записаню до книгъ кродскихъ, вызнали тыми словы: »Ижъ въ року теперь идучомъ, тысяча шесть сотъ осьмомъ, мѣсяца Априля двадцатаго дня, будучи намъ везванымъ на копу, отъ ее милости панее Макгдалены зъ Овлучима Абрамовое Пузовской, на мѣстцѣ певное, въ боръ Пузовскій, за Бѣлинымъ полемъ, и кгды сьми тамъ въ бору Пузовскомъ, на той копе заселн, теды ее милость пани Абрамовая Пузовская, передъ нами и

номъ. А при нихъ были генеральные возные, шляхетные Наумъ Кузминскій и Стефанъ Ковалевскій. Вышепоименованныя лица объявили, для записанія въ гродскія книги, слѣдующее: »Въ нынѣшнемъ тысяча шестьсотъ восьмомъ году, мѣсяца Апрѣля, двадцатаго дня, были мы позваны на копу, отъ ея милости, паньи Магдалины изъ Овлучима Аврамовой Пузовской, на назначенное мѣсто, въ боръ Пузовскій, за Бѣлинымъ полемъ. И когда мы тамъ, въ бору Пузовскомъ, засѣли на копѣ, то ея милость, пани Аврамовая Пузовская, предъ нами и въ присутствіи ихъ милостей пановъ шляхты: Павла Пузовскаго, Максима Лудовича, Яна и Шимана Вербскихъ, и въ присутствіи всѣхъ крестьянъ ихъ, жаловалась слѣдующими словами: »»Въ нынѣшнемъ тысяча шестьсотъ восьмомъ году, мѣсяца Апрѣля, втораго дня, причиненъ мнѣ вредъ: подрублена сосна бортная, восемь лѣтъ неляженная; медъ выбранъ, а сосна сожжена««.

при бытности ихъ милости пановъ шляхты: пана Павла Пузовскаго, Пана Максима Лудовича, пана Яна и пана Шимана Вербскихъ, и всихъ подданыхъ ихъ, жаловала въ тые слова: »»Ижъ въ року теперешнемъ тысяча шесть сотъ осьмомъ, мѣсяца Априля, второго дня, стала ми се въ бору шкода: подрубано сосну бортную, отъ осьми лѣтъ неподглядану, и съ тое сосны медъ выбрано, и сосну спалено««. И въ той шкоде своей дала вину паней Васильевой Вербской, и пану Семену Русальскому, и пану Мартину Андрузскому, и пану Павлу Дахновичови. И просила насъ, абыхмо, съ повинности нашое, до пановъ Вербскихъ послали, упоминаючи ихъ, абы они сами, зо всѣми поддаными своими зъ Вербое и зъ Вохновичь, передъ нами на копе стали и въ тое шкоде панее Пузовское справу о собе

Въ этомъ поступкѣ она обвиняла панью Васильевую Вербскую, пана Семена Русальскаго, пана Мартына Андрузскаго, и пана Павла Дахновича, и просила насъ, чтобы мы, по своей обязанности, послали къ панамъ Вербскимъ, и пригласили ихъ явиться предъ нами на копу со всѣми крестьянами изъ Вербое и изъ Вохновичь, для оправданія въ означенномъ выше обвиненіи. Мы посылали къ обвиняемымъ съ повѣсткою поименованныхъ выше возныхъ. Но такъ какъ паны Вербскіе сами передъ нами на копѣ, на мѣстѣ преступленія, не явились, крестьянъ своихъ не представили и никакого отъ себя не дали ни отвѣта, ни извѣстія; то мы, не оканчивая этого дѣла, для лучшаго распроса и изслѣдованія, отложили до другой копы, то есть, до двадцать седьмаго дня, того же Апрѣля мѣсяца. И когда насталъ этотъ срокъ, то всѣ мы, вышеозначенныя лица, засѣвъ на прежнемъ мѣстѣ, на копѣ, посылали, по просьбѣ паньи Аврамовой Пузовской, тѣхъ же возныхъ, въ

дали. До которыхъ мы возныхъ звышъменованныхъ, упоминаючи, посылали. А ижъ предречоные панове Вербскіе, на томъ же местцу, где се шкода стала, ани сами передъ нами на копе не стали, ани подданыхъ своихъ не поставили, и жадное вѣдомости и справы о собе не дали; теды мы, не конъчечя тое справы, одложили есьмо оную, для лепшого опыту и вывѣдованія, до другое копы, то есть, до дня двадцать семого, месяца тогожъ Априля. А кгды тотъ рокъ припалъ, теды мы всѣ, особы звышменованые, на томъ местцу, на той копе, заседши, за домовеннемъ се панеи Абрамовое Пузовское, посылали есмо тыхъ же возныхъ перво помененныхъ до Вербое и Вохновичь, до панее Василевое Вербское, до тыхъ пановъ вышпомененныхъ, абыхмо, съ невинности своей, упоминаючи, абы они сами передъ нами на той копе стали и подданыхъ своихъ всихъ ставили. А ижъ они, яко первей, такъ и по-

---

Вербое и Вохновичи, къ паньи Васильевой Вербской и къ вышепоименованнымъ панамъ, напоминая, по своей обязанности, чтобъ они сами явились предъ нами на копѣ и всѣхъ крестьянъ своихъ представили. Но они, какъ въ первый, такъ и во второй разъ, и сами не явились предъ нами, и крестьянъ своихъ не представили. Поэтому мы, не оканчивая дѣла для лучшаго распроса и изслѣдованія, отложили до третьей копы, то есть, до будущей пятницы, до четвертаго числа Мая мѣсяца. И когда этотъ срокъ назначенный для третьей копы, насталъ, то всѣ мы, вышеупомянутыя лица, судьи копные, засѣвъ на этой копѣ, по просьбѣ паньи Абрамовой Пузовской, посылали въ третій разъ тѣхъ же возныхъ, въ Вербое и Вохновичи, къ вышепоименованнымъ панамъ Вербскимъ, напоминая имъ, чтобъ они сами явились предъ нами и крестьянъ

томъ другій разъ, передъ нами яко не стали и подданыхъ своихъ не ставили, тѣды мы, яко и первей, не кончили тое справы, оную, для лепшого опыту и выведованя, еще отложили есмо до третіе копы, то есть, до пятницы пришлое, до дня четвертого Мая. А кгды тотъ рокъ, той копе назначенный, припалъ, и мы всѣ особы звышменованные, судьи копные, тамъ же на томъ местцу, где се шкода стала, на той копе засевши, за домовеннемъ се панее Абрамовое Пузовское, третій разъ посылали есмо тыхъ же возныхъ звышъменованыхъ до Вербое и Вохновичь, до впродъреченныхъ пановъ Вербскихъ, упоминаючи ихъ, абы они сами передъ нами на копе стали и подданыхъ своихъ поставили. А ижъ они за першимъ другимъ и третимъ посыланемъ и упоминанемъ нашимъ, передъ нами сами не стали, и подданыхъ своихъ не становили, и жадное вѣдомости и справы о собе не дали, тѣды мы всѣ, судьи

своихъ представили. Но они, какъ послѣ перваго и втораго, такъ и послѣ третьяго посланія и напоминанія нашего, и сами предъ нами не явились; и крестьянъ своихъ не представили, и никакого отвѣта и свѣдѣнія о себѣ не дали. Тогда мы всѣ, судьи копные, которыхъ было около полутораста человѣкъ, поступая по обычаю права нашего копнаго, видя упорное непослушаніе поименованныхъ выше пановъ Вербскихъ и крестьянъ ихъ, засвидѣтельствовавъ все это возными и бывшею при насъ шляхтою, опредѣлили декретомъ своимъ взыскать удовлетвореніе, за весь вредъ, причиненный паньи Аврамовой Пузовской, съ поименованныхъ выше пановъ Вербскихъ, съ нихъ самихъ и съ крестьянъ ихъ Вербскихъ. Мы нашли также и знакъ на бортной соснѣ, на колодѣ, клеймо паньи Ѳедоровой Пузовской, а на этомъ клеймѣ—клеймо паньи

копные, которыхъ насъ было о пулторaстa, заховуючися въ томъ водлугъ звычаю права нашого копного, бачечи упоръ непослушенства впродъреченыхъ пановъ Вербскихъ и подданыхъ ихъ Вербскихъ, осветчивши то все возными вышменоваными и шляхтою, при насъ будучою, декретомъ нашимъ, тую всю шкоду панее Абрамовое Пузовское до впродъречоныхъ пановъ Вербъскихъ, и самихъ, и подданыхъ ихъ Вербскихъ, приложили есьмо. Якъ же и знакъ на той сосне на колоде, клеймо панее Федоровое Пузовское, а въ немъ клеймо панее Абрамовое Пузовское, презъ бортника панее Василевое Веръбское положоное, знашли есмо, и оное тыми жъ возными освѣтчили и шляхтою менованою.« Где, тутъ же, очевисто ставши передо мною на вряде, возные, менованные: Наумъ Кузминьскій и Стефанъ Ковалевскій, тое право копное въ тые же слова, яко и сами судьи, сознали: ижъ тамъ, на томъ местцу, притомъ всемъ, были и по три кротъ до Вербое и Вохновичъ ездили и всихъ пановъ Вербскихъ, именъ звышменованыхъ, въ домехъ ихъ, очевисте заставши, упоминали, абы они сами на

Аврамовой Пузовской. наложенное бортникомъ пани Васильевой Вербской. которое клеймо мы засвидѣтельствовали шляхтою«. Здѣсь же. явившись лично предо мною, въ урядѣ, возные: Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій, сознали вышеизложенный копный судъ, тѣми же словами, какъ сознавали и сами копные судьи. то есть, что они на мѣстѣ копнаго суда были, при всемъ дѣлопроизводствѣ присутствовали, что три раза ѣздили въ Вербое и Вохновичи, каждый разъ заставали всѣхъ вышепоименованныхъ пановъ Вербскихъ въ домахъ ихъ

копе становились и подданыхъ своихъ ставили; нижли они, за всѣми трома разы, не становилисе и подданыхъ своихъ не становили. Которое жъ то очевистое сознане судей копныхъ и возныхъ преречоныхъ, за принятемъ моимъ, есть до книгъ кгродскихъ записано.

и напоминали, чтобъ они сами явились на копѣ, и крестьянъ своихъ представили. Но они, послѣ всѣхъ трехъ напоминаній, на копу не явились и крестьянъ своихъ не представили, Это личное показаніе судей копныхъ и вышепоименованныхъ возныхъ принято мною и записано въ гродскія книги.

Книга гродская Владимірская 1608 года, листъ 286.

VI.

Судъ сельской громады о воровствѣ; пытка и смертная казнь. 1622, Декабря 9.

Року тысяча шесть сотъ двадцат второго, месеца Декабря, девятого дня.

На вряде гродскомъ, въ замку его королевской милости Володимерскомъ передо мною Станиславомъ Собанскимъ, буркграбимъ замку Володимерского, и книгами нинешними кгродкими старостинскими, ста-

---

VI.

Тысяча шестьсотъ двадцат втораго года, мѣсяца Декабря, девятаго дня.

Въ урядѣ гродскомъ, въ замкѣ его королевской милости Владимірскомъ, предо мною Станиславомъ Собанскимъ, бургграфомъ замка Владимірскаго, и предъ книгами нынѣшними

новши очевисто шляхетный Микола Закревскій, возный земскій, енералъ воеводства Волынскаго, для записаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ явне, ясне и доброволне зозналъ и на письме реляцию свою, подалъ тыми словы писаную и такъ ся всобе маючую: — Actum est anno 1622. mense decembri. 8 die. w maiętnośći Nizkieniczach iego mośći pana Adama Kysiela. przy bytnośći urodzonych ich mośćiów panów: Jana Sembla, Piotra Kałusowskiego. Stephana Więtczyka, tudzis duchowney osobe. oyca Eremei swieszczenika Spaskiego, z maiętnośći iego mośći, księdza władyki Włodzimierskiego, Tyszkowicz, y przy poddanych z roznych wsi okolicznych, to iest: Samoyle Bartoszowicza. z gromady Butiatickiei, y przy Fiedku Sięku z gromady Tyczkowickiey, Lewku Repiachu z gromady Wareskiey, maietnośći iego mośći pana

---

гродскими старостинскими, явившись лично шляхетный Николай Закревскій земскій генеральный возный воеводства Волынскаго, сознаяъ явно, ясно и добровольно, для вписанія въ нынѣшнія гродскія Владимірскія книги, и подалъ на письмѣ свою реляцію, написанную слѣдующими словами и заключающую въ себѣ нижеслѣдующее:—»Дѣялося въ 1622-мъ году, Декабря 8-го дня, въ имѣніи его милости, пана Адама Киселя, Низкеничахъ, въ присутствіи благородныхъ ихъ милостей пановъ, Яна Сембля, Петра Калусовскаго, Стефана Вѣнтчика, также въ присутствіи духовной особы, Спасскаго священника, отца Іереміи изъ Тышковичь, имѣнія его милости владыки Владимірскаго, также въ присутствіи крестьянъ изъ разныхъ селъ околичныхъ, а именно: при Самуилѣ Бартошевичѣ изъ громады Бутятицкой, при Федькѣ Сенкѣ изъ громады Тышковицкой, Левкѣ Ренихѣ, изъ громады Вареской, изъ имѣнія пана судьи Львовскаго, и при многихъ иныхъ. Въ это время, по доносу Низкеницкаго крестьянина Николая Щербача, поставленъ былъ на судъ, предъ всею громадою Низкеницкою, по

Sędziego Lwowskiego y przy wielu ynnych. Tudziś, przy wszitkiey gromadzie Nizkienickiey, za instigowaniem poddanego Nizkienickiego Mikołaia Szczerbacza, postanowiony iest do sądu, według zwyczaiu i prawa pospolitego, więzieniem zwyczainym opatrany, nieiaki Waśko, syn Juriia Czerewka, tak iako się on być mianował, ze wsi Zawisznia, dobr. do starostwa Sokalskiego naliezących, s takowym przełożeniem skargi i obwinienia: iż ten pomieniony człek, przepomniawszy boiazni Bożey, niepomniąc na dobrodzieystwo, którego zażywał pierwiey, służąc teraz instiguiącemu, rosprawiwzy się z nim zwycyaynym sposobem, płacą swoią ukontentowany, czwartego dnia, po odeściu z Nizkenicz, w nocy, sposobem złodzieyskym podszedszy, wzioł i ukradł u skarzącego się konia w szyrść ciemno myszatego, którego on sobie szacował złotych czterdzieście, z wozem y z chomątem, na podworzu, u tego to instiguiącego, y

---

обычаю и праву посполитому, подъ обычнымъ арестомъ, какой-то Васько, сынъ Юрія Черевка, какъ онъ самъ называлъ себя, зъ села Завишня, принадлежащаго къ староству Сокальскому. На него представлена была слѣдующая жалоба и обвиненіе: «Поименованный человѣкъ; забывъ страхъ Божій, не помня благодѣяній, которыми пользовался прежде, служивъ вышеозначенному истцу, расчитавшись съ нимъ обыкновеннымъ способомъ и получивъ условленную плату, отправился ночью, четвертаго числа, изъ Низкеничь, а потомъ, подкравшись воровскимъ способомъ, взялъ и укралъ у истца, на подворьи, коня, шерстью темномышастаго, оцѣниваемаго истцомъ въ сорокъ злотыхъ, съ возомъ и хомутомъ, и съ украденнымъ конемъ уѣхалъ». Воръ былъ отыскиваемъ вездѣ и застигнутъ въ селѣ Голубяхъ, имѣніи вельможнаго его милости пана Станислава Жоравинскаго, кастеляна Белзскаго. Потомъ, по требованію того же истца, воръ былъ выданъ старостою и громадою вышеозначеннаго села. Тамъ же воръ, тотчасъ признался въ своемъ преступленіи, и объявилъ, гдѣ онъ оставилъ и припряталъ коня,

z onym koniem kradzionym niechał. Który to złodzi, gdy był szukany wszędzie, przyscigniony iest w maiętnośći wielmożnego iego mośći pana Stanisława Żorawińskiego, Kastellana Bielzskiego, we wsi Holubiach. A potym, za requirowaniem tegoż instiguiącego, od starosty y gromady tameyszey wydany. Który, tam zaraz, do uczynku swego przyznawzy śię, o koniu, gdzie go zostawił y przychował wyznał, to iest na Wolce za Sokaliem, wsi należącei do Sokala. Którego to konia ten pomieniony instiguiący odszukawszy, takową skargę przełożywszy, oraz złodzieja z licem do sądu stawił, postąpiwszy w tym sobie prawnie, sposobiwszy szlachetnego Mikołaia Zakrzewskiego, generała wojewodstwa Wołynskiego, y mistrza Jaska z miasta Torczyna, requirował y prosił, aby według zasług swoich y według prawa był osądzony. A przeto, urodzeni ich mośći wysz pomienieni, tudzisz pomieneni wysłani z gromad, wespoł z gromadą Nizkienicką, przychiliwszy się do prawa y statutu pisa-

---

именно за Сокалемъ, въ селѣ Волькѣ, принадлежащемъ къ Сокалю. Отыскавъ украденнаго коня, истецъ ставилъ вора на судъ вмѣстѣ съ поличнымъ. Представивъ означенную выше жалобу, сообразно съ законами, пригласивъ генеральнаго вознаго воеводства Волынскаго, шляхетнаго Николая Закревскаго и палача Яска, изъ города Торчина, онъ требовалъ и просилъ, чтобы воръ былъ осужденъ по законамъ, по мѣрѣ его вины. Въ слѣдствіе чего, вышепоименованные ихъ милости, также лица, присланныя отъ громадъ, вмѣстѣ съ Низкеницкою громадою, сообразуясь съ обычнымъ правомъ и съ писаннымъ статутомъ, спрашивали вора: признается ли онъ въ преступленіи и въ томъ, что у него найдено поличное? И этотъ обвиненный воръ признался въ преступленіи и въ томъ, что у него найдено поличное. За тѣмъ вышеозначенныя лица опредѣлили декретомъ своимъ, чтобы онъ, какъ заслужилъ, и какъ повелѣваетъ право, былъ казненъ смертію. На основаніи такого приговора, онъ отданъ былъ въ руки вышепоименованнаго па-

nego, naprzod pytali: ieśli by się znał do takiego uczynku y lica tego? Który to obwiniony złodzi przyznał się do uczynku y lica tego. A potem dekret swoy ferowali, aby był, tak iako zasłużił, y prawo uczy, na garle karany. I za takowym dekretem oddany iest do rąk wyszpomienionego mistrza na executią, zostawiwszy przy tym wolne instiguiącym, ktory z inszych wsi przypytowali się do złodzieia tego, probe, ieśliby który chciał, y ieśliby ten złodzi miał przyznać do iakiego uczynku. Niźli, iż żaden nie ynstigował, aby był pociągniony do proby wyznania kradzieży, dalszy podany niebył, za uczynek samey teie kradzieży zwyszpomienioney, przez mistrza, zwyszpomienionego odniosł, według zasługi swey y prawa opisanego, zapłate y na garle karany iest«. **Што все менованный возный, такъ власне правдиве быти зознавши, просилъ, абы тое его очевистое и доброволное зознанье принято и до книгъ записано было; которое есть принято и записано.**

лача на экзекуцію. При этомъ людямъ изъ другихъ селъ, желавшимъ допросить вора, предоставлено было вольное право, требовать, чтобъ воръ подвергнутъ былъ пыткѣ, не признается ли онъ еще въ какомъ нибудь преступленіи. Но такъ какъ никто не требовалъ, чтобы воръ, для признанія въ воровствѣ, былъ подвергнутъ пыткѣ, то онъ и не былъ болѣе подвергаемъ пыткѣ; но за одну только означенную выше покражу, получилъ отъ вышепопменованнаго палача награду, по своей заслугѣ и согласно съ писаннымъ правомъ: былъ казненъ смертію». Вышепомянованный возный, объявивъ, что все это дѣйствительно такъ происходило, просилъ, чтобы его личное и добровольное сознанье было принято и въ книги записано; и оно принято и записано.

Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 911, на оборотѣ.